

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

РЕКОНСТРУКТОР

Реконструктор

Александр Конторович

Реконструктор

«Автор»

2013

Конторович А. С.

Реконструктор / А. С. Конторович — «Автор»,
2013 — (Реконструктор)

ISBN 978-5-9922-1433-8

Молодые парни в форме времен войны, реконструкторы... Что заставляет их надевать форму противника? Желание поиграть в войнушку? Или подсознательная тяга переиграть уже произошедшие события? У каждого из них есть на это свои причины... Но что делать, если чужая форма вдруг внезапно становится своей? И по-немецки говорят твои товарищи и сослуживцы? И ты, вчерашний рядовой россиянин, сегодня становишься солдатом рейха? Теперь только от тебя самого зависит, каким путем идти. Память ничего не подскажет, и только твое сердце, сердце солдата, может указать тебе правильную дорогу... Дорогу к дому, который ты себе выберешь. И этот выбор будет единственным – ничего другого тебе не дано.

ISBN 978-5-9922-1433-8

© Конторович А. С., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	45
-----------------------------------	----

Александр Конторович

Реконструктор

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА за 13 октября 1942 г.

Вечернее сообщение

В течение 13 октября на фронтах никаких изменений не произошло.

В районе Сталинграда наши войска вернули оставленные накануне позиции в одном из кварталов города. На других участках происходила артиллерийская и минометная перестрелка. Огнем нашей артиллерии уничтожено 3 немецких танка, 3 артиллерийские и 16 минометных батарей противника, разрушено 10 дзотов и истреблено до роты немецкой пехоты.

Северо-западнее Сталинграда наши войска продолжали оборонять прежние рубежи и на отдельных участках вели разведку. Гвардейцы Н-ской части атаковали передний край обороны противника, несколько потеснили немцев и уничтожили противотанковое орудие, 16 пулеметов, минометную батарею и 8 автомашин с военным грузом. Группа разведчиков во главе с заместителем командира роты по политической части тов. Куликом обнаружила на одной высоте хорошо замаскированные дзоты противника. Двое смельчаков незаметно пробрались к одному из дзотов и забросали его гранатами. Находившиеся там румыны в панике стали выбегать из укреплений. Наши разведчики открыли огонь и истребили 20 вражеских солдат...

– Хорош ржать и блудодействовать, жеребцы стоялые! – Марк постучал магазином от автомата по стоящей перед ним каске. – И это – элита вермахта, доблестные белокурые бестии! Тьфу! Фюрер удавился бы с тоски на кривой осине, разок взглянув на ваши бессовестные рожи!

Ответом ему был дружный хохот. Но увещевания командира свой эффект все-таки возымели. Народ прекратил болтовню и уселся на свои места.

– Спасибо! – язвительно ухмыльнулся Марк. – Господи, и за что ты наградил меня такой головной болью – командовать сборищем этих неадекватов? Посмотри на них – разве они похожи на взрослых и разумных мужчин?

Обращенный к потолку палатки вопрос остался без ответа – по-видимому, Всевышнему несколько приелись ритуальные стенания командира отряда «Гренадеры». Благо они повторялись достаточно часто и по одному и тому же поводу.

Все это сборище одинаково одетых парней являлось военно-историческим клубом «Гренадер». В разное время года и в самых разнообразных местах они занимались воссозданием различных эпизодов давно прошедшей войны. Клуб реконструировал взвод пятой роты 405-го гренадерского полка 121-го пехотной дивизии вермахта. На этом поприще они трудились уже давно и заслуженно считались неслабыми специалистами в данной области. В мирной жизни парни были совсем разными людьми и работали в совершенно обыкновенных, абсолютно невоенных отраслях. Разве что некоторые из них когда-то служили в армии и во всяких правоохранительных конторах. Но и то – в подавляющем большинстве своем в прошлом. Теперь уже у многих был свой собственный бизнес, изматывающая работа и прочие сопутствующие «радости». И нечастые вылазки всей компанией за город на подобные побегушки-пострелялки для многих являлись совершенно необходимой отдушиной от повседневных тягот. Оппонентами

в их нелегком деле были весьма уважаемые в данной тусовке сотоварищи. Сегодня таковым «противником» был «Московский драгунский полк» – клуб старый и с историей. Они сегодня «воевали» за РККА¹. А «Гренадеры», в соответствии со своей специализацией, – за вермахт. Просто в свое время неожиданно оказалось, что за немцев никому воевать неохота. Доходило до парадоксов, когда из разных окопов перестреливались одинаково одетые красноармейцы. Долго так, естественно, продолжаться не могло. И в какой-то момент некоторые клубы начали переодеваться под вермахт. Так появились и мы.

– Итак, господа хорошие, коли вы снизошли до меня своим вниманием, позволю себе еще раз остановиться на нашей сегодняшней задаче. – Командир поднялся и подошел к висевшей на подставке карте. – Что мы знаем об этом дне тысяча девятьсот сорок второго года? Нет, в сводке Информбюро перечислялись, конечно, всевозможные интересные случаи и даже отдельные бои... но не на этом участке фронта. Данное место особого внимания не удостоилось. Если в утренней сводке Ленфронт еще хоть как-то упоминался, то вот в вечерней – увы... не было тут ничего. Про Моздок есть, про Сталинград – это уж само собою, имеется. Разве что...

Марк повернулся к столу и взял с него лист бумаги.

– «На одном из участков Западного фронта немцы атаковали позиции наших подразделений. Советские бойцы отбили атаки противника и уничтожили до четырехсот немецких солдат и офицеров. Захвачены танк, шесть пулеметов, винтовки и боеприпасы...» Не про нас? Нет? И я так думаю... Но!

Он поднял вверх палец и сделал серьезное лицо.

– Наше сотрудничество с поисковиками приносит полезные плоды! Я не имею в виду тот фрицевский хабар и мелочовку, кою вы бессовестно у них выме... выманиваете! Нет! О прошлом годе... – сбился командир на старомодную речь. – Тьфу! Вот приелось-то!

В обычной жизни Марк – Олег Степанович Марченко – трудился на «Ленфильме» режиссером-постановщиком трюков. И в настоящий момент работал над картиной о царской России. Там, видать, подобных словечек и нахватался.

– Короче! – Его палец ткнулся в карту. – Вот здесь, около мостика, развернулось самое настоящее побоище! Причем, что интересно, оно именно тринадцатого октября и происходило!

– Нашли запись в Твиттере, датированную этим днем? – Валька Леонидов, одетый в форму ефрейтора, удивленно приподнял левую бровь.

– Увы... Интернета тогда не случилось поблизости... – вздохнул Олег. – А вот недописанное донесение командира взвода лейтенанта Литвинова – нашли. И даже прочитать сумели – это уж криминалистам отдельный поклон! И по нему выходит, что буча тут случилась изрядная! Взвод этот в полном составе – все четырнадцать человек – занимал оборону у мостика и на той высоте. И что любопытно! Атаковал их как раз Четыреста пятый гренадерский полк!

– Во как?! – не выдержал Леонидов. – В натуре?!

– Крест на пузе! И даже более того! Как раз пятая рота! Как вам это?

Реконструкторы загудели. Про бой многие в принципе знали. Но такие вот подробности...

– Врешь, поди... для красного словца! – скептически откликаюсь на эти слова.

Я тут в авторитете, один из «отцов-основателей» клуба, и Марк становится серьезен.

– Нет, Макс. Я не шучу. Поисковики подняли несколько фрицевских жетонов, и мои знакомые пробили их через посольство. Это действительно гренадеры Четыреста пятого полка. Нам даже сообщили их имена. – Он лезет в сумку и вытаскивает сложенные листы бумаги. – Вот, смотри! Лейтенант Карл Морт, заместитель командира роты, обер-фельдфебель Вилли

¹ Рабоче-Крестьянская Красная Армия, она же Красная армия – наименование, которое носили Вооруженные Силы РСФСР/СССР с 23 февраля 1918 по 26 февраля 1946 г. Позже – Советская армия.

Мойс, стрелки Ойген Клаус, Герберт Мойзен, Ханс Кепке. Согласно полученным сведениям, все они проходили службу именно в этом полку.

Ребята прекращают шутки, и в палатке наступает тишина. Одно дело – реконструировать каких-то абстрактных бойцов какого-то полка, воевавших некогда в этих местах. И совсем другое – понимать, что именно на этом поле, где мы собираемся завтра устроить потешный бой, они лежат прямо под нашими ногами. Понятное дело, что обладателей жетонов поисковики уже похоронили и конкретно их сейчас на поле нет. Но есть и другие, которых они не нашли. Как-то не по себе стало всем. Парни молча переглядываются.

– Это... Может, перенесем? Ну... в смысле в сторону куда-нибудь отойдем? – Это бело-брысый Игорь Попов. Его так и кличут – «белокурая бестия».

– Ага, щас! – фыркает Марк. – Нам разрешение подписано именно на это поле. Да и полиция возбухнет моментом, если мы хотя бы на километр в сторону отойдем. Им дай только повод...

Ребята вновь молчат и чешут затылки. Командир прав, неприятностей с полицией мы можем огрести буквально на пустом месте. Все хорошо помнят, какие сложности возникали у нас по поводу использования оружия. Одно время его выдавали в аренду на «Ленфильме». Разумеется, не боевое, а специальное, стреляющее только холостыми патронами. Денег за это брали очень даже не по-божески. Но мы терпели – охота, как говорится, пуще неволи. Потом там сменилось руководство, и выдачу оружия иначе как на съемки запретили безоговорочно. Народ начал искать обходные пути. Бегали даже с ММГ², но быстро прекратили. Купить официальным образом оружие, подобное киношному, оказалось совершенно безнадежной затеей. МВД приходило в священный ужас при одной только мысли о том, что у человека, легально владеющего вполне серьезным огнестрельным оружием (нарезным и гладкоствольным охотничьим), вдруг появится на руках подобный «потешный» девайс. Никакие доводы рассудка на них не действовали просто в принципе. Вот и пришлось всем нам, даже тем, у кого легальный нарезняк имелся, озаботиться еще и покупкой аутентичных страйкбольных винтовок. Даже автоматы с пулеметами заменили на их электромеханические копии.

Полиция привычно напряглась в поисках новых препон. Надо сказать, искать их долго не пришлось – опыт имелся. В Ростове ухитрились пришить уголовную статью страйкболисту с силуминовой копией АКСУ. Мол, изготовлен сей агрегат с использованием частей реального оружия, вот так! И пофиг, что оружие из жести не делают, – похоже ведь! Металл? Металл... а какой – не суть важно. Пожалте бриться! И только вмешательство одного из членов команды, трудившегося помощником прокурора, позволило развалить это наспех состряпанное дело. Полиция унывала недолго и уже через пару месяцев привлекла к ответственности сразу двоих – за изготовление имитационных гранат на основе промышленных петард (продающихся в любом магазине) и обыкновенного гороха. Успешно: изделия признали самодельными взрывными устройствами, и парням впаляли по году условно. А их тренировки попытались выставить как подготовку потенциальных террористов. Здесь, правда, не повезло... Но brave эмвэдэшники не отчаивались. Отныне любое наше собрание в форме и с игрушечными винтовками легко подводилось под соответствующую уголовную статью. Благо их в кодексе хватало... Было бы болото, а черти напрыгают.

И тогда наш хитрый командир предпринял еще один гениальный ход: мы дружно поступались в ворота киностудии – как организованная массовка для съемки постановочных боев. Теперь мы проводили свои выезды как репетиции боевых эпизодов к каким-либо сценариям. Чего-чего, а такого добра на киностудии – море разлитое. На утверждение в МВД предоставляли выписку из конкретного сценария с подробной росписью всего хода мероприятия.

² Макеты массогабаритные стрелкового и холодного оружия.

Приезжали даже операторы, снимавшие нас с самых разных ракурсов. Смех смехом, а парочку фрагментов из наших пострелушек действительно включили в какие-то фильмы. И теперь мы совершенно серьезно кивали на данные картины в каждом удобном случае. Аргумент действительно получился неплохой. И хотя мы все понимали, что хитрые киношники таким образом нехило наварили на нас бабла, никакого возмущения это не вызывало. Хрен с ними, зато отмазка неплохая.

Но вот именно теперь данное обстоятельство встало нам боком. Ладно, мы и драгуны совершенно без проблем могли бы протопать несколько верст, чтобы уйти с данного места. Но вот киношники со своей аппаратурой с насиженного и оборудованного вчера места точно никуда не уйдут. Именно сегодня им приспичило снять парочку характерных эпизодов. Пробежки там всякие, переползания под огнем и прочую хренотень. Так что обломать их мы никак не могли. А глазастые полицейские такой несостык моментально просекут. Неспроста их машина торчит тут с самого утра. И тогда легенде капец. Да и с киностудией мы разойдемся капитально...

– Нет, мужики, – хмуро ответил Марк. – С этого места нам никуда уйти не дадут. Для эмвэдэшников этот аргумент вообще пустой звук. Да и для операторской группы... Так что вопрос стоит таким образом: либо мы отменяем все вообще и попадаем на деньги плюс испорченные отношения с киностудией, либо по максимуму отодвигаем всю баталию к краю поля, чтобы обойти те места, где поисковики кого-то обнаружили. Таким образом мы уйдем в сторону от того места, где происходил настоящий бой. Никто в тех местах не погибал, и никого там в земле нет. Захоронения поисковики производили в трех километрах отсюда, так что по могилам ползать не будем, не волнуйтесь. Да и, кроме того, не забывайте, что на данное мероприятие с нами впервые выехали ленфильмовские пиротехники. А уж им-то свои бабахалки ни в каком другом месте жахнуть просто не разрешат. Всем все понятно?

Ребята слегка оживляются и кивают. Такой вариант всех устраивает гораздо больше.

– Слышь, Марк, – подаю я голос, – а ты с поисковиками разговаривал? Чего они сказали – что тут за бой был? Кто с кем бодался, это мы знаем. А чем закончилось все?

– Гренадеры наступали с той стороны, – машет рукой командир. – Мост им нужен был. Тут кругом местность хреновая, болотистая, технике пройти негде. А мост крепенький вполне. Даже и тогда прочным был, танк вполне выдерживал. Взвод Литвинова этот мост оборонял. А немцы его с ходу сбить попытались. Сразу этот фокус не прошел. Они в самом начале потеряли около десятка человек и откатились назад. Вот у этой рощицы гренадеры поставили минометы. Там поисковики подняли целую кучу пустых ящиков и прочий соответствующий хабар. А когда минометчики прижали обороняющихся к земле, немцы поднялись в атаку. На этой высотке и произошло основное бодалово. Более точно мы не знаем, но моста немцы все-таки не взяли. Почему-то они отошли на исходные позиции. Мост взяли только через два дня, когда подошли танки. Кто держал оборону на позициях Литвинова, неизвестно. Может, там вообще уже никого не осталось. Собственно, вот и все. Давайте реконструировать бой, исходя из имеющихся сведений. И свою голову припряжем, куда ж без этого! Минометный налет нам организуют пиротехники, это их епархия. Драгуны займут позиции РККА, а мы соответственно будем наступать. Постараемся это сделать лучше, нежели гренадеры Четыреста пятого полка. Имейте в виду: посредники будут суровые, помимо наших еще и из Москвы ребята прикатили. Это парни грамотные, их на кривой козе не обскачешь. Так что головы прятать и задниц не высовывать.

Подобная диспозиция ничего нового в себе не таила. Недаром наши мероприятия иногда язвительно называют «войнами ползунов». Правила у нас жесткие: чуть приподнял башку – противник стреляет. И если посредник сочтет, что ты находился в зоне поражения, – все, будь любезен топать в «мертвяк». Страйкболистам и пейнтболистам все-таки проще: там хоть что-

то летает и попадание фиксируется визуально и по наличию синяков. А у нас все отдано на откуп посредникам. Мужики это суровые, бывшие вояки, и судят со своей точки зрения. Ежели он считает, что в подобной ситуации стрелок с обычной винтовкой может поразить за шесть секунд троих противников, то так и скажет. И спорить с ним без толку. Все помнят случай, когда посредник уже после боя в ответ на подобную претензию попросил у меня карабин. Благо я всегда вожу с собой свой нарезняк с патронами, и все об этом знают. А он у меня, на зависть всем прочим, не новодел, а вполне себе настоящий Кар-98 выпуска аж одна тысяча девятьсот тридцать девятого года. Купил я его в комиссионке, и прежний хозяин, судя по всему, обращался с ним бережно. Машинка была как новая.

Так вот, получив от меня оружие, посредник загнал в магазин три патрона, поставил карабин на предохранитель и приткнул его к древесному стволу. Отойдя чуток в сторонку, он расставил на траве три полена и вернулся назад.

– Смотрите сюда... – Сергеич вскинул к плечу карабин.

К-р-р-р...

Выстрелы протрещали почти короткой очередью, мы даже не уловили момента, когда он перезаряжал оружие. Сбитые пулями поленца попадали на траву, а посредник повернулся к нам.

– Сколько? – кивнул он Алексу, державшему в руках мобильник.

– Пять целых семь десятых секунды, – проговорил потрясенный Алекс. – Ни фига ж себе!

– Это я еще старый, – хмыкнул стрелок, – да обстановка сейчас спокойная, не в бою, чай.

А в настоящем-то деле люди еще и не такие фокусы показывают.

Надо сказать, подобная демонстрация меня впечатлила очень даже основательно. Нет, я и сам не лопух в плане пострелять. И в армии среди отстающих не числился, да и потом... тоже приходилось иногда постреливать. Жизнь – она штука такая, никогда не знаешь, какое из твоих умений ко двору придется. Так что стрелком я прослыл неплохим, что позволяло мне иногда небрежно этим шегольнуть. Особенно на девушек такое умение действовало впечатляюще. Но вот показать подобное умение – не светило однозначно. Ничего подобного я не только не видывал, но даже и не слыхивал. Поэтому, прихватив из своих запасов бутылку хорошего коньяка, я через полчаса дипломатично постучал ею о колышек палатки, в которой разместились московские посредники. Надо думать, подобный тембр звучания был уже неплохо им известен, ибо из палатки тотчас же высунулось сразу три головы.

– Вечерний звон? – осведомилась одна из них.

– Он самый!

– Тогда заходи!

Словом, уже наутро я бегал и прыгал по сырой траве, на ходу передергивая затвор карабина. А невыспавшийся с утра Сергеич меланхолично грыз семечки, иногда вставляя ехидные комментарии относительно моих способностей:

– Руку неправильно держишь! Не в сторону затвор тяни, а ладонь к цевью прижимай! Пусть она у тебя вдоль винтовки скользит, тогда увод от цели минимальный будет. И стволом не маши, это не коса. Нет, косить им в принципе можно... только не траву и не таким образом.

Он сплюнул шелуху и поднялся с пенька.

– Дай-ка сюда.

Оружие в его руках странным образом как бы прилипло к ладоням и стало их продолжением. Мой учитель плавно повернулся на месте, присаживаясь на корточки, и непостижимым образом вдруг съехал куда-то вбок. При этом черный зрачок ствола неотрывно смотрел мне куда-то в район переносицы. Сергеич сделал кувырок вперед и внезапно нырнул в какую-то ложбинку. Сухо щелкнул боек. Откровенно говоря, вдоль моей спины проскользнула холодная струйка. Я отчетливо представил себе, что оружие у него в руках вполне боевое и за эти

несколько секунд меня бы убили, по меньшей мере, пять раз. Никакие прошлые навыки и умения ничем мне в данной ситуации не помогли: тело просто не успевало реагировать на стремительно меняющуюся обстановку. Всему, абсолютно всему теперь придется учиться заново!

– Ну вот где-то так... – приподнялся из травы посредник. – Это я еще форму подрастерял...

– Фига себе – подрастерял! Это ж каким ты головорезом-то был?

– Да обычным, разве что не шибко ленивым, – невозмутимо пожал плечами мой собеседник. – Наука в принципе несложная, было бы желание.

Желание было. Имелась и возможность. Поэтому мы с ним встречались достаточно часто, тем более что мужиком он оказался общительным и интересным. Было о чем поговорить и что послушать. За два года я узнал и услышал весьма много интересного, о чем раньше слыхивал только краем уха. Кое-чему даже и научился. Жалко, что времени было мало, да и поездки из Питера в Москву тоже случались не так часто, как хотелось бы.

Надо сказать, учеба моя даром не прошла: даже на наших пострелушках я теперь был несчастным гостем в «мертвяке». Да и вопросов по поводу того, подстрелил я оппонента или нет, тоже стало возникать существенно меньше. Как правило, стрелял я теперь с более короткого расстояния, и поэтому никаких сомнений у посредников больше не возникало. Да и патронов стал расходовать меньше. Не то чтобы мне их было жалко – денег-то хватало. Просто я приучился не стрелять попусту. Моим личным рекордом стало одно из мероприятий, которое мы делали на каком-то празднике. Шесть патронов – и пятеро пораженных противников. На окружающих это произвело неслабое впечатление. На меня – тоже. Впрочем, все это уже в прошлом. Теперь мы стреляем пластиковыми шариками, и попадания вполне видны и ощутимы. Правда, антураж сильно поубавился, это да... Но посредники остались. У них и без того работы хватало. На сто и даже на пятьдесят метров наши винтовки не стреляют. Тем более – на большую дистанцию. Здесь епархия посредников – они определяют пораженных.

Прибывшие на совещание драгуны наш план одобрили, благо на новом месте им даже копать особенно не пришлось: местность и так оказалась изрыта всевозможными ямками и канавками. Осталось только подсыпать брустверы – и вот тебе готовая позиция. Прихватив лопаты, москвичи дружно потопали к новому месту. А следом за ними, навьюченные снаряжением, поперлись недовольные пиротехники. Больше всех возмущались, как это ни странно, кинооператоры. Казалось бы, какого хрена? Камеры им на руках не тащить, машины спокойно подъедут чуть не к самому месту «боя». А вот поди ж ты! Чудна душа человеческая!

– Попрыгали!

Марк собран и серьезен и совсем не напоминает прежнего добродушного собеседника. Неужели форма так меняет человека? На плечах у него погоны обер-лейтенанта, на голове фуражка. Подлинная, не новодел. Редкость вообще-то, обычно у нас большинство предметов новоделные, хотя и очень аккуратно изготовленные. По подлинным образцам.

Такой формой у нас могут похвастаться лишь немногие. В основном «старики». Только у них, как правило, все снаряжение правильное, за немалые бабки изготовленное. Впрочем, деньги тут не самое главное. Не каждому такая аутентичность нужна, это уж от человека зависит. Вот у меня, например, почти вся форма, кроме каски, на первый взгляд – родной вермахт. Даже бритвенные лезвия и спички – и то подлинные, немецкие. Хоть и вполне современные.

Вот мы и прыгаем, показывая командиру тщательность подгонки амуниции. Нет никакого зубоскальства, шуточек и подколов. Почему-то в этот момент все становятся серьезными. Глядя на нас, совершенно невозможно предположить, что под серыми шинелями скрываются обыкновенные парни: менеджеры, директора и даже бухгалтеры. А вон Витька в обычной жизни – вообще учитель пения. Правда, не в школе, а существенно повыше. И где бы вы

думали? В патриархии! Он регентов учит! И на службе выглядит вполне благообразным мужчиной. А как шинель наденет и каску – все, сливай воду, отпетый головорез!

Нормально все подогнали, только некоторые мелочи устранить пришлось. Построили нас в колонну по два и погнали на рубеж атаки. На пригорке виднелись зеленые каски драгун – те уже обживали свои позиции.

Навстречу нам выбрался из ямки непроставшийся пиротехник и матерно завернул колонну вправо.

– У меня там!.. Заряды установлены! А вы как беременные... собираетесь так напролом и топтать! Оторвет кому яйца – с кого спрос будет?

Неча делать, сворачиваем в сторону, обходя этот участок поля. Заряды у этих ребят... словом, серьезно все. Так что все эксперименты по сокращению пути – на фиг!

Потеряв двадцать минут, выходим на рубеж. М-да... Скользко тут. И грязно! Опять на брюхе ползти?

Марк сумрачно смотрит по сторонам. Невесело это все...

Впрочем, через пару минут его лицо светлеет.

– Макс! Иди сюда!

Поднимаюсь к нему наверх.

– Слушай, вот ту горюшку видишь?

– Наблюдаю.

– Ежели на нее вылезти, то позиции драгун будут видны сверху.

– И?

– По сценарию у нас по одному минометному налету, так? Один у нас и один у противника.

– Так.

– А процент попадания как определяется?

– Как всегда. Посредник кубик кинет. Попал – не попал. Ежели попал, то второй бросок – каков процент потерь.

– Верно! А при наличии корректировщика?

– Первый бросок не производится. Сразу на процент потерь кидать будет.

– Во! Ты нас и будешь корректировать! Сможешь ведь туда проползти незаметно?

Вопрос, конечно, интересный... Ну надо думать, проползу. А как корректировать? По телефону? Аппарат и катушку с собой тащить? Но на этот вопрос ответ у командира уже имеется.

– Ракетами! Между тобой и драгунами – ручей, народ к тебе не пошлют. В смысле – много не пошлют, берег там крутоват, не подойти. Да и сверху ты их перецелкать можешь, как куропаток.

Идем советоваться к посреднику, и он с ходу зарубает эту идею:

– Дальность он тоже ракетой обозначит? И количество мин в залпе? Хороший фейерверк будет, посмотрю...

Хм! Все-таки катушку и аппарат придется туда тащить... Угу, только сначала в лагерь сгонять: у нас тут всего два аппарата, и они нужны в бою.

Посредник кивает:

– До начала боя еще двадцать минут. Успеешь туда-сюда обернуться, не вопрос! Иначе – заход через «мертвяк».

Ага, через два часа! Нет уж, я лучше пробежусь...

Посредник (тоже из москвичей – Димка Гаишник) указывает мне точку:

– Добежишь туда – в игре. Опоздаешь...

– Сам знаю!

И, только отбежав сотню метров, врубаюсь... Винтовка! Так и осталась стоять в козлах у подножия пригорка.

Блин! И что делать-то? Безоружного на поле не выпустят! Штык – не аргумент (особенно пластиковый).

Но делать нечего, бегу. И на ходу прикидываю всякие варианты. Стрелять мне нынче не светит. Половину боя (а то и больше) так на пригорке с телефоном и просижу. Пока Марк не скомандует налет. А когда он его скомандует? Тогда, когда гранадеры подойдут к позициям противника на один рывок. По нашим реалиям – метров на полста... или даже ближе. Чтобы сразу после налета ребята рванули бы вперед, воспользовавшись потерями противника. Сколько-то человек они вынесут ружейно-пулеметным «огнем». Немного, двоих-троих... в час по чайной ложке. Спасибо родному МВД – «гранат» у нас больше нет. Изделие из новогодней петарды, сердечника от рулона туалетной бумаги и гороха признано СВУ³. Со всеми вытекающими последствиями. Кой любовно прописаны в Уголовном кодексе. Что уж тогда про наши аутентичные копии М-24 и РГД-33 говорить? Небось пойдут наравне с ядерным оружием! Здравствуй, Республика Коми, край вечнозеленых помидоров!

Так что сидеть мне на этой горке...

Но сидеть положено вооруженному!

Впрочем, хитрая задумка у меня есть. Заменять оружие перед боем (да и в ходе него) разрешено. И запасные винтовки есть. Ага, в машинах у хозяев заперты...

У меня тоже. Только это не шариковая игрушка, а Кар-98. Так и что? Стрелять-то я не буду – незачем! И нечем – патроны только настоящие, финские. А по телефону попрошу Марка – пусть и забытый мною ствол принесут. А кто-нибудь из «мертвецов» захватит в лагерь и карабин... Чего там лишние двести метров протопать? Не рассохнется небось...

Вот и лагерь!

Быстро проскакиваю к палатке со снаряжением и подхватываю телефон и катушку с кабелем. Отлично! Это сделано! На ходу примастывая все это добро за спину, бегу к своей машине. Багажник... Выдергиваю из чехла карабин и забрасываю его на плечо. Крышку багажника закрыть, ключи в карман шинели.

Взгляд на часы – у меня старый добрый карманный «Мозер». Действительно старый: корпус местами сильно потерт и поцарапан. Но часы идут! И достаточно точно. Да и большой циферблат иногда очень полезен – ночью неплохо его видно.

А времени-то мало! Всего несколько минут осталось.

Куды бечь?

К командиру на точку – не успею.

Непосредственно на место корректировщика? А провод кто тянуть будет? Марк пришлет кого-нибудь... а я займу эту точку, у драгунов хватит соображаловки отправить туда парочку бойцов. Просто для того, чтобы прикрыть этот фланг. Сообразят, они парни хваткие. А вот через ручей им перебираться будет кисло – специально на горке помаячу, пусть думают: сколько нас там? И стрелять мне не придется: они в таком разе поопасаются кого-то посылать на убой. Разве что десятком человек рванут... так я и в таком раскладе своим помогу! Как ни крути, а этот десяток драгуны с основной позиции снимут – нашим легче будет. При любом варианте – хоть минометный обстрел, хоть штурм этого пригорка, – а десять человек из окопов уйдут. Не дурак Марк, соображает! Не просто так он меня сюда загнал. Да и верно: на кого ж ему положиться, кроме как на «стариков»? Мы бухтеть не станем, мол, пострелять не дали...

³ Самодельное взрывное устройство.

Под ногами мелькают какие-то кочки, кустики – бегу. Нет, скорее даже – несусь! Ага, как навьюченный ишак... Телефон, катушка эта долбаная, карабин – все это дружно молотит меня по спине. Блин, как с этим во время войны бегали? Так еще и ползали, между прочим!

Мне вот во время службы так не довелось – и слава богу! Даже рацию не таскал. Пулемет – приходилось. Короткое время числился первым номером. Недолго, но хватило, чтобы возненавидеть эту железяку от всей души. Тяжелый, падла... Поэтому я не разделяю восторгов наших пулеметчиков. Оно понятно, МГ – штука мощная и внушает. Но гораздо тяжелее ПКМ. Нет уж, побуду обычным стрелком. Да и привык я уже к карабину, каждую его деталь на ощупь знаю. Поэтому, когда беру в руки шариковую винтовку, первое время чувствую разочарование. Глаза-то одно подсказывают, а руки – совсем другое помнят. И так не только здесь...

К своим тридцати годам мне пришлось перепробовать множество самых разных профессий. До армии год вкалывал автослесарем. Грязновато, но с бабками. Но, попав в армию, моментально просек одну избитую истину. В воскресенье личный состав отдыхает, а водила – в наряде! На фиг! И о своей специальности тактично умолчал. Не факт, что поступил правильно, ибо попал в мотострелки. Полгода нас терзали в учебке, а потом, внезапно и без всяких предисловий, пихнули в Дагестан. Там, как всегда, была радиолампочка. Какая? Да все та же – женоль-пэ-а. Очередные боевики, которые там берутся неведомо откуда, азартно перестреливались с очередными правоохранителями. Вот последних туда, также традиционно, нагнали со всей страны. Квалификацию повышать или как?

Не знаю...

Но нашей квалификации хватило ровно на один бой. Мы выехали для смены караула на каком-то блокпосту, и уже через пару километров нашу колонну накрыли плотным огнем из ближайших кустов. Ума хватило, побросав все вещи в кузове, перемахнуть через борта и залечь около дороги. Когда затихла перестрелка, нас, ошестинившихся в какой-то яме незаряженными автоматами, отыскал старлей из «вованов». Отчего незаряженными? Так расстреляли все... в белый свет, как в копеечку. На мой взгляд – так совершенно напрасно.

Осмотрев наше воинство, старлей сдвинул на затылок «Сферу» и спросил: «А штыки зачем пристегнули?»

– Так патронов же нет, товарищ старший лейтенант... – ответил ему кто-то из ребят.

– Почему?

– Кончились...

– Так... Штыки – снять! Где командир?

– Где-то там... – ткнул я рукой в сторону грузовика, осевшего на пробитых скатах.

– Там? А почему не здесь?

– Не знаю. Мы в разные стороны повыскакивали. Он – туда, а мы здесь оказались.

– Понятно! Боец, – ткнул он пальцем в сторону Женьки Западного, – дуй за командиром!

«Вован» присел на корточки и вытащил из «трехдневника» несколько пачек патронов.

– Поделить поровну! Оружие зарядить и переводчик поставить на одиночные! Выполнять!

А когда появился наш командир, старлей за локоток отвел его в сторону и о чем-то долго беседовал. Уж и не знаю, что он там ему сказал, но за нас взялись основательно... и очень скоро. Так что оставшееся до дембеля время пролетело... в общем, быстро прошло.

А уже на гражданке я долго не мог найти себе применения. Именно из-за полученных в Дагестане привычек и повадок. Сунулся было в МВД, но быстро просек, что это не моя тема. Работал охранником, водителем. Даже годик покатался по заграничным рейсам. Тоже не зря – существенно подтянул свой немецкий. И это, кстати говоря, внезапно сдвинуло меня совсем в другую степь. Вспомнив свои автослесарские навыки и пригласив парочку друзей, начали мы гонять тачки из Германии. Подержанные... так где ж на новые-то денег взять? Чинили, пере-

продавали... Понемногу окрепли, встали на ноги и начали нагуливать жирок. Из вчерашнего Максимки я стал Максимом Андреевичем Красовским. Секретаршу завел... м-да! И однажды утром, выбравшись из ее постели, с ужасом обнаружив у себя брюшко, рванул на природу – заниматься экстремальным туризмом. Заодно – и экстремальным вождением. А потом пришел к Марку.

Блин, ракета! Минутная готовность!

Черт, не успеваю!

А-а-а, плевать! Рвану по прямой – иначе никак!

– Михалыч! – Оператор поднес к уху телефонную трубку. – Уснул, старый пьяница?

– Уснешь тут... – недовольно пробурчал пиротехник. – Чего тебе?

– Слушай сюда! У нас кадр хороший получается! Солнце как раз над холмом приподнялось. Представляешь, если на его фоне взрывы пойдут?!

– Угум... – Прижав телефон плечом, пиротехник нарезал колбасу на бутерброд. – Ну пойдут, куда ж они денутся-то?

– Так я о чем! У тебя в поле зарядов сколько стоит?

– Четыре.

– Запускай!

– Ты ж их на атаку планировал использовать!

– Так еще поставим! Запас-то есть?

– Есть...

– Давай! Я камеру включаю – и секунд через двадцать поднимай!

– Так не начали же еще!

– Вот им вместо ракеты и просигналим!

Скорее!

Ложбинка впереди – не перепрыгну, придется низом пробегать. А лучше – спрыгну! И на тот берег вон там выскочу.

Прыжок!

Ствол карабина и голова бегущего скрылись за невысоким откосом.

– Так... – Михалыч еще раз бросил взгляд влево – на поле уже никого не было. – Ага, смотался куда-то, злодей!

Щелчок!

Загорелись красным цветом светодиода: «Сеть под напряжением».

– Ну с Богом!

Щелкнул пакетник на пульте.

Вспыхнули рубиновые огоньки: «Подрыв заряда».

Откос быстро-быстро убегает назад. Точнее, он-то на месте, это я вперед ломлюсь что твоей лось.

Вешка?

И висящие на ней провода?

А что это за цилиндр около нее?

Цепочка разрывов красиво прорисовалась на фоне солнечного диска. А вот один из них прозвучал особенно громко, вымахнув к небу солидный столб земли, подсвеченный изнутри багровым пламенем. Оператор только крикнул от удовольствия: эффектный кадр!

Рапорт

начальнику ... отделения полиции
подполковнику полиции тов. *Нефедову А. П.*

Докладываю вам, что сегодня, 12 октября 2016 года, при проведении киносъемок в районе дер. Гайтолово произошел подрыв неустановленного взрывного устройства большой мощности.

Прибывшими на место специалистами МЧС установлено, что взрыв имитационного пиротехнического заряда привел к срабатыванию штатного боеприпаса времен ВОВ. Проведенными поисками обнаружено еще несколько таких боеприпасов – артиллерийских снарядов и авиабомб, расположенных на поле перед рекой. Найдены остатки минно-взрывной цепи, соединявшей обнаруженные заряды. Со слов специалистов МЧС, минно-взрывная сеть имеет многочисленные повреждения, в результате которых взорвался только один боеприпас, в непосредственной близости от которого был установлен пиротехниками «Ленфильма» имитационный заряд.

Съемки мною были остановлены, люди эвакуированы в безопасное место. Специалисты приступили к поиску и обезвреживанию боеприпасов.

Место огорожено, выставлено оцепление.

В результате взрыва пропал без вести гр. Красовский Максим Андреевич, 1984 г. р. Проведенными поисками его тело обнаружено не было.

*Участковый уполномоченный ... отдела полиции
лейтенант полиции Миклованов В. Ю.*

Дым...

И что-то хрустит в голове.

Отчего меня так шатает? Я иду... нет... меня несут. Куда?

Ничего не понимаю...

– Was ist damit, Heinrich?⁴

– Bombardierung. Verwundet, Schrapnellwunden an beiden beinen und der linken Schulter. Glück noch...⁵

– Bringt ihn in die zweite Kammer⁶.

Ага, во вторую палату. Попал под бомбежку, ранения – это обо мне? Контужен тоже я?

А кто я?

Что-то скачет в голове. Отрывками и какими-то кусочками. Вижу человека в форме. Погоны – офицер? Да, обер-лейтенант. Откуда я это помню? Рука, передергивающая затвор, – это карабин Кар-98. Значит, я помню такие подробности?

«...Руку неправильно держишь! Не в сторону затвор тяни, а ладонь к цевью прижимай! Пусть она у тебя вдоль винтовки скользит, тогда увод от цели минимальный будет. И стволом не маши, это не коса...»

А это откуда?

⁴ И что тут, Генрих? (нем.)

⁵ Бомбардировка. Ранен, шрапнелью в обе ноги и в левое плечо. Счастье еще... (нем.)

⁶ Нести его во вторую палату (нем.).

Не помню...

Перед глазами что-то белое. Несколько минут тупо пялюсь туда и только потом соображаю – потолок! Стало быть, если повернуть голову, то увижу стену? Попробуем...

Да, стена тут имеется. И потолок не очень-то высокий. А из стены торчат какие-то деревянныешки. Это... черт, не помню, как это называется.

– Oh! Erholt?⁷

– Nicht wirklich...⁸ – срывается у меня с языка. Да, я пришел (приполз?) в себя. Хотя и не уверен в этом окончательно.

В поле зрения появляется мужик в белом халате. Лет сорок. На носу очки в круглой оправе.

– Ihnen sagen?⁹

Могу ли я говорить? Ну... отвечал же только что?

– Ja... Was ist passiert?¹⁰

Хорошо бы узнать, что же стряслось, наконец?

– Ihr Kolonne kam unter eine Bombe. Du hast Glück, erwischte einfach!¹¹

Ага, под бомбы мы попали. Мы – это кто? Легко отделался? Ну это еще как сказать – ног и рук не чувствую совсем. Пробую пошевелить пальцами правой руки – есть!левой... опа, в плечо отдается! Стало быть, туда прилетело. Ноги – тут хуже, болят обе. Не ходок...

– Hetzen Sie nicht, Grenadier! Herr Gott gab dir das Leben, nicht in Sie haben es verloren, fallen aus dem Bett!¹²

Нет, спешить я не собираюсь, тут дядька прав. И падать с кровати тоже не хочу. Вполне разделяю оптимизм собеседника относительно Всевышнего и не собираюсь его разочаровывать. Кого? Да их обоих! И Господа Бога, и своего собеседника.

– Gut! Hinlegen und an Stärke gewinnen! Ich werde dir den Hauptarzt berichten!¹³

Ладно, лежать так лежать. Последую совету и стану набираться сил. А там и главный врач удостоит меня своим визитом...

Но сей уважаемый дядя, судя по всему, был занят и навестить меня не спешил. Вместо этого в палату подселили еще двоих пациентов, благо в сознание я пришел и полного покоя больше не требовалось. Комнатка оказалась небольшой, а то впихнули бы и четвертого.

Одним из подселенных оказался говорливый башенный стрелок-танкист Вилли Баум. Он так представился сразу, стоило санитарам затащить его носилки в палату.

– Hallo, Kameraden! Ich bin Pech Willi!¹⁴

– Warum Mann?¹⁵

– Im zwei Jahre Dienst bin ich ins Krankenhaus zu dritten mal?..¹⁶

Хм, надо же – Невезучий Вилли! За два года загреметь в госпиталь трижды – тут кто угодно станет в затылке чесать... понимаю этого парня.

Первый раз его придавило танком при погрузке – лопнул трос, и тяжелая машина качнулась вбок. Итог – месяц на больничной койке.

⁷ О! Очнулся? (нем.)

⁸ Не факт... (нем.)

⁹ Можете говорить? (нем.)

¹⁰ Да... Что произошло? (нем.)

¹¹ Ваша колонна попала под бомбы. Твое счастье – тебя просто задело! (нем.)

¹² Не спеши, grenadier! Господь Бог оставил тебе жизнь не для того, чтобы ты потерял ее, упав с кровати! (нем.)

¹³ Хорошо! Лежать и набираться сил! А я буду отчитываться перед главврачом (нем.).

¹⁴ Привет, друзья! Я – Невезучий Вилли! (нем.)

¹⁵ Почему Невезучий? (нем.)

¹⁶ Да чтобы за два года службы третий раз загреметь в больницу?.. (нем.)

Второй раз повезло совсем уж невероятно – снаряд пробил броню и отправил на тот свет почти весь экипаж. Посчастливилось только Бауму – получил ранение в ногу.

И в этот раз он отделался от костлявой просто чудом – успел выбраться из горящего танка, оставив за спиной троих покойников. Слегка обгорел – ноги, малость оглох, но жизнерадостности не утратил.

Беседуя с ним, я все время пытался вспомнить хоть что-нибудь о себе. Безрезультатно. Окружающие говорили, что в моей речи слышен баварский диалект. Я не спорил – им виднее, они-то памяти не теряли. Первое время я говорил мало, с трудом подбирая слова, потом освоился, голова заработала лучше. Так что больше не приходилось напрягать голову, подыскивая нужное.

По моей просьбе санитар принес форму, в которой меня нашли. Точнее – ее остатки. Брюки превратились в рваные тряпки еще при перевязке. Оставались китель и шинель. Принесли китель. Перебирая в руках зажигалку, складной саперный резак (отчего-то я знал, что это именно он) и прочие немудрящие предметы, я силился натолкнуть себя на воспоминания. Окружающие были уверены в том, что я солдат, точнее, гренадер. Что это значило в моем положении, неизвестно. Осторожно расспрашивая санитаров, я узнал, что меня вместе с двумя десятками таких же пострадавших привезли с какой-то железнодорожной станции. На нее совершили налет бомбардировщики красных и перемешали там с землей около батальона пехоты и с десятков танков. Меня обнаружили около воронки и поначалу собирались оттащить к похоронной команде. Однако вовремя оживший «покойник» что-то прохрипел, и унтер-офицер, командовавший спасательными работами, распорядился отнести ожившего к медикам.

И теперь я лежу на узкой больничной койке и ломаю голову над своим прошлым.

Третий обитатель нашей палаты появился в ней на второй день, к вечеру. Уже немолодой, в годах, дядька, он был ранен в ногу во время обстрела колонны какими-то бандитами из кустов. Гюнтер Шульц (так звали этого третьего) прошел уже три войны, а ранен был впервые. Услышав об этом, Баум совсем расстроился:

– Везет же людям! – Он с досадой отвернулся к стене.

– Не переживай! – успокоил я его. – Наоборот, ты у нас везучий – кто сказал обратное? Тебя ранило уже трижды – и каждый раз незначительно! Посуди сам! Много ли шансов уцелеть под сорвавшимся танком? А взрыв снаряда внутри машины – это ли не чудо? Ты же уцелел, в то время как все прочие погибли! Так ведь?

Речь моя стала уже вполне связной, и окружающим больше не приходилось напрягать голову, пытаясь меня понять.

– Ты так думаешь, Макс?

– Да ты спроси кого угодно!

Меня уже зовут Максом, это имя – пока единственное, что всплыло из глубин моей уснувшей памяти...

Впрочем, и на нашей улице случился праздник – так долго ожидаемый главврач наконец-то снизошел до посещения нашей палаты.

Штабсарцт Магнус Фогель оказался худощавым пожилым человеком с неприязненным выражением на холеном лице. Хотя, если верить рассказам санитаров, специалистом он был превосходным. Что называется – от Бога! Но, глядя на него, в эти рассказы не очень-то верилось...

Покровительственно похлопав по плечу старину Шульца (которого он сам и оперировал), штабсарцт мимоходом осмотрел Баума и остановился перед моей кроватью. Не оборачиваясь, он протянул назад руку и взял у сопровождавшего врача историю моей болезни.

– Так... что у нас тут имеется? Физическое состояние – хорошее, выздоровление идет нормально, даже чуть быстрее ожидаемого. Это что у нас тут? Понятно... характер полученных

ранений на пригодность к дальнейшему прохождению службы не повлияет... так! Тяжелая контузия, вызванная близким разрывом авиабомбы, угу... Обрывочные воспоминания, бред... отзывается на имя Макс... Макс?

– Яволь, герр штабсарцт!

– Значит, имя ты все-таки вспомнил? Что еще?

– Больше ничего, герр штабсарцт!

– Потихе, мы не на плацу, и я не твой ротный офицер. Что ты еще помнишь, сынок?

– Девушек вспоминаю, герр штабсарцт. Еще товарищей иногда, машины всякие – я их чинил...

– Ну девушки – это понятно! Кого ж еще вспоминать солдату? А вот твои друзья – какие они?

– Они... тоже солдаты, герр штабсарцт. Командир поручил нам что-то выкопать... и мы спорили по этому поводу... Там еще вода была, наверное, река? Окоп стало заливать водой... Не помню ничего больше.

– Хм! Физически ты вполне нормален, и в иной ситуации я бы уже через пару недель любого другого солдата направил на выписку. Но память! Как ты будешь воевать?

– Как и все, герр штабсарцт!

– Не сомневаюсь. И все же... Лойземан! – поворачивается он к лечащему врачу. – Ваше мнение?

– Он быстро идет на поправку, герр штабсарцт. Но в подобном состоянии направить его на фронт – нецелесообразно, мы не можем предположить, как он себя там поведет. С вашего позволения, герр штабсарцт, я пригласил на консультацию оберарцта Киршбеера – он признанный специалист в подобных случаях.

– Разумно, Лойземан! Одобряю ваше решение! А... Макса разрешаю использовать в работах по госпиталю – его физическое состояние вполне допускает небольшие нагрузки. Да и нахождение среди людей будет способствовать его психическому равновесию. Как, гренадер, – смотрит на меня главврач, – что ты скажешь на это?

– Я чрезвычайно признателен вам, герр штабсарцт! Мои товарищи по палате, конечно, помогают мне, как могут, но, может быть, разговоры с другими камадами действительно помогут вспомнить что-то еще?

Штабсарцт покровительственно похлопал меня по плечу:

– Твои раны мы вылечим, а доктор Киршбеер поможет вспомнить прошлое. Ну а во всем остальном, Макс, положимся на Всевышнего – он не оставит нас своей милостью!

После ухода главврача с сопровождающими Вилли завистливо прищмокнул губами:

– Везет же некоторым!

– Ты о чем это? – непонимающе гляжу на него.

– Работа по госпиталю – это усиленная кормежка! Вместе с медперсоналом! Им даже настоящий кофе положен! И дополнительные сигареты!

– А-а-а... кофе – это, конечно, хорошо, но ведь я не курю...

– А мы? Или ты забудешь своих товарищей?

– О чем ты говоришь?! – возмущаюсь я.

Действительно, положенные мне сигареты я отдаю им, а они за это тоже не остаются в долгу и помогают мне как-то вспоминать те события и факты, которые, по их мнению, я просто обязан знать. Да и много чего другого, в моем положении весьма полезного, они мне тщательно растолковывают и объясняют.

Слова у главврача с делом не расходятся, и уже на следующий день я топаю вместе с другими счастливыми на станцию – встречать эшелон. Нас пятеро. Четверо солдат и санитар, который командует всей группой. Одного из своих попутчиков я уже знаю – это словоохотливый и неунывающий Ханс Циммерман, зенитчик. Его тоже контузило бомбой, аккурат в тот

же самый день, что и меня. Вот только выздоровление у него идет куда быстрее, осколки бомб обошли Ханса стороной. Не за горами тот день, когда его выпишут в часть. Он старожил в нашей команде, по-дружески шутит с санитаром и чувствует себя превосходно. Еще одного своего сокомандника приходилось встречать на перевязках. Это прямая противоположность Циммерману – крепко сбитый Франц Кегель отличается редкой молчаливостью. Рослый, на полголовы выше любого из нас, и невероятно сильный (я видел, как он в одиночку, плечом, выталкивал из лужи застрявшую легковушку), он обычно не участвует в наших разговорах, а молча сидит в сторонке. Что-то у него на душе такое есть... Его слегка побаиваются и стараются не задевать своими шутками. Даже наши записные остряки не рискуют оттачивать свои язычки на молчаливом баварце. Четвертого солдата я не знаю. Он впервые появился на построении, молча выслушал пояснения санитары и, не говоря ни слова, пристроился позади меня. Тоже, видать, молчун...

Задание у нас сегодня простое. Ближе к обеду должен подойти поезд, на котором нам (то есть госпиталю) привезут медикаменты и продовольствие. Все это нужно перегрузить в автомашину, после чего мы можем топтать восвояси. Собственно говоря, это даже не наше дело – чего-то там грузить. Но Ханс, который всегда в курсе происходящего, рассказал нам, что последнее время в прибывающем грузе постоянно чего-то не хватает. То бинтов, то нескольких упаковок с лекарствами... Не исключено, что их уворовывают где-то по дороге. Но вполне может быть, что и на станции.

– Вагоны охраняет местная полиция, – сплевывая окурок в сторону, говорит Циммерман. – Те еще субъекты, я бы их и за свиньями ходить не приставил. Глаза вороватые, морды угодливые... мусор!

– Так отчего же им доверяют? – искренне удивляюсь я. – Поставить наших солдат – и все! Не станут же они красть у своих товарищей!

– Хм... Ну... это еще как сказать... Все равно – их нет! Людей мало, фронт загребает всех! Вот и приходится нам доверять этой сволочи...

Отправляясь на станцию, мы имели все шансы опоздать к обеду. Но не слишком на этот счет переживали. Здесь была своя кухня, и наши команды обычно подкармливали. И весьма недурственно! Еще бы – через станцию шло множество грузов, в том числе и продовольствие. Поэтому здешняя кухня была весьма неплохой. Но, помимо этого, нам все-таки выдали и паек, положенный по такому случаю. Не бог весть что, консервы, но и это пришлось очень кстати – их можно сменять на курево. По правде говоря, меня эта перспектива не воодушевляла: сигарет в запасе и так хватало, но... от голода я пока не страдал. А курево являлось неплохим подспорьем в любой беседе.

Вопрос с погрузкой продовольствия решили быстро. Пяток сигарет – и железнодорожники помогли нам перекидать ящики и бочки в кузов грузовика. Фыркнув на прощание дымом из выхлопной трубы, машина укатила в госпиталь. Теперь – ждать. Пока она доедет, выгрузит продовольствие – а тут уже и обед! Раньше чем через два-три часа она назад не придет. И очень неплохо! Ибо медикаменты занимали в кузове гораздо меньше места, и мы вполне могли рассчитывать на то, что назад поедем как приличные люди – на машине! Так жить можно! Настроение у всех приподнялось, и даже молчаливый Кегель выдал из себя по этому поводу пару слов.

Воодушевленные этим, мы бодро направились к вагону с медикаментами – надо было прикинуть фронт будущих работ. Вагон этот стоял на отшибе, и требовалось решить – подойдет ли туда грузовик? Или вагон надо будет перегнать поближе к погрузочной платформе? За оставшееся время эту задачу вполне можно было решить. По пути от нас откололся Циммерман с санитаром – пошли менять консервы на сигареты. Они тут почти что старожилы: Ханс служил именно здесь и знает каждую дыру. Оттого и все обменные операции происходят в его присутствии – так выходит гораздо быстрее и выгоднее.

Старшим в нашей тройке остался Кегель. Пройдя по путям, мы подходим к вагону. Он здесь не один, рядышком стоят еще несколько. Неподалеку от них прохаживается какой-то местный в черном пальто и с винтовкой на плече. На руке у него белая повязка. Ага, так это, стало быть, и есть местная полиция? Нн-да... видок у него... прав был Ханс, такому типу – и свинарник доверить? Да ни за что!

Франц молча указывает ему рукой в сторону, и тот послушно отходит от вагонов. М-да... знают тут старину Кегеля! И, надо полагать, с самой серьезной стороны.

Беглый осмотр подтверждает самые неутешительные прогнозы: машина сюда не пройдет! А таскать груз вручную – мы все-таки выздоравливающие, а не наказанные за проступки штрафники!

– Магнус! – поворачивается Франц к третьему нашему спутнику. – Нужен паровоз.

– На станции их нет, – лаконично откликается тот.

– Тогда пусть этот охранник пригонит сюда пару десятков человек из местных – они оттолкают вагон поближе к разгрузочной платформе.

– И где он их возьмет?

– Не мое дело. Отыщет где-нибудь...

Магнус пожимает плечами и идет за полицейским. Как и что он там ему объясняет, неизвестно. Но спустя пару минут они оба направляются к станционным зданиям – договорились.

Здоровяк молча показывает мне рукой на скамейку – надо полагать, на ней раньше сидел караульный. Присаживаемся, нам спешить пока некуда. Кегель вытаскивает сигареты и закуривает. А я достаю из кармана галеты – не сидеть же просто так!

Тихо...

Даже не верится, что где-то там, совсем недалеко, сейчас идет война. Грохочут разрывы, и падают на землю наши товарищи. Мы не говорим о ней, эта тема – негласное табу в наших беседах. Обсуждаем все – дом, знакомых девушек и чьих-то жен. Собак и кошек. Делимся планами на будущую жизнь и прикидываем, какой она станет после войны. Но никто не рассказывает о том, что ждет его в окопах. Да и мне тоже как-то не по себе от мысли, что очень скоро наши вечерние разговоры будут вспоминаться как что-то совсем невероятное. Спокойные разговоры в дружеском кругу, где нет нужды прятать голову от пуль вражеского снайпера. Не нужно торопливо задувать зажигалку, опасаясь зорких глаз чужого артиллерийского наблюдателя. Мы и о русских не говорим. Никто не хочет вспоминать рукопашных схваток и блеска ножа перед глазами, когда в твой окоп ночью прокрадутся их разведчики. Ложась спать, мы раздеваемся и вешаем форму на спинку кровати – на фронте такая роскошь просто немыслима. Мы просто живем – живем каждым этим днем...

Но все же действительность постоянно прорывается к нам. Когда привозят новых раненых и санитары тащат их на носилках в дом. От них несет порохом и кровью, и лежащие на них люди в бреду еще отбивают вражескую контратаку. Когда появляются над нами чужие самолеты и мы слышим лай зенитных пушек неподалеку. А после этого со станции привозят новых раненых. Иногда, помогая санитарам разбирать вещи вновь прибывших, мы обнаруживаем в них застрявшие осколки. Для их сбора у нас на складе стоит железный таз, и порою он бывает заполнен почти на треть или наполовину. Война напоминает о себе каждый день. Я плохо помню свои воспоминания, в них только хриплые, плохо различимые команды и выстрелы – много выстрелов. Мы постоянно куда-то бежим, иногда едем, – но все как в тумане. Совсем не помню артподготовки – странно: все ребята вспоминают русскую артиллерию самым недобрым словом. А вот мины запомнились. Собственно говоря, не сами они, а то, как мы постоянно смотрели под ноги, опасаясь неприятных сюрпризов. Товарищи говорят, что русские – большие мастера по этой части, им верить нельзя! Можно ожидать любой неприятности. Рассказывают, что иногда по непонятным причинам взлетают на воздух дома, мосты и различные

объекты: в них, оказывается, заложили мины с часовым механизмом! Кто знает, может быть, и под нашим домом сейчас тикает адская машина?

Металлический лязг!

Мы с Францем одновременно поворачиваем головы на звук. Это наш вагон, тот, что с медикаментами. Именно его охранял полицейский. И именно оттуда прилетел звук – кто-то что-то уронил...

Поднимаемся на ноги – это надо проверить! Оружия у нас нет, его не выдают выздоравливающим, но пудовые кулаки Кегеля – весомый аргумент! А я подбираю с земли увесистую палку: ею тоже можно врезать по первому числу.

Мой товарищ машет рукой и указывает направо: там утоптанная тропинка. По ней можно подойти близко и при этом без большого шума. Крадучись, обходим вагон.

Так и есть!

Небольшое окошко в стенке сейчас приоткрыто, и оттуда слышна какая-то возня. Хм, но кто туда залез? Окошко-то очень небольшое!

Прячемся за углом вагона и осторожно выглядываем за угол.

Долго ожидать не пришлось: внутри завозились, и из окошка появились ноги в стоптанных сапогах – вор вылезал наружу.

Франц внезапно подпрыгивает и одним рывком выдергивает обладателя сапог на улицу. Как морковку из грядки!

Плюх!

Во все стороны летят щепки и пыль – вор врывается в кучу каких-то старых досок. Ну и ну! Вот это бросок!

Впрочем, ничего удивительного здесь нет, воришка весьма невысок ростом. Да это же мальчишка! То-то он в окно пролез... Падение его слегка оглушает, и он беспомощно ворочается на земле, пытаясь прийти в себя. Наклоняюсь и поднимаю с земли упаковку бинтов – он выронил ее, когда летел по воздуху.

– Смотри, – говорю я товарищу, – наши бинты! Вот кто их таскал!

Кегель берет их у меня из руки и присаживается на корточки перед лежащим. Паренек с испугом на него смотрит. Ну еще бы! Франц и в хорошем-то настроении выглядит пугающе, а уж сейчас...

– Кто ты? – Кегель с интересом разглядывает мальчишку. – И зачем тебе бинты?

Тот молчит, только его глаза затравленно бегают вокруг. А ведь он влип! За такие вещи... в общем, я ему не завидую.

Не меняя положения, Франц выбрасывает вперед руку.

Хлоп!

И от основательной затрещины с головы парня слетает кепка.

– Ну?

– Я... мне есть нечего...

Вот тебе и раз! Мне понятны его слова! Но Кегель недовольно покачивает головой – он ответа не понял.

– Мне ударить тебя еще раз? – угрожающе произносит он.

– Франц! Он есть хочет! – выпаливаю я.

– С чего ты это взял?

– Ну... он сам сказал...

– И ты понял? – недоверчиво смотрит он на меня.

– Ну уж слово «есть» я как-нибудь разберу!

– Спроси у него, как часто он сюда залезал?

– Как? В смысле – как я его спрошу?

– Как-нибудь, – пожимает он плечами. – То, что он голоден, понял же?

– Э-э-э... – чешу я висок. – Попробую, но... сам понимаешь, я же не переводчик! Присаживаюсь на корточки перед полулежащим парнем.

– Ты... Ты – вор?

Не знаю, правильно ли я это говорю, но парень вдруг краснеет. Понял?

– Нам есть нечего! Вы забрали еду, и все подышают с голоду!

Понял!

– Стоп! – вытягиваю вперед раскрытую ладонь. – Ты – как много раз – сюда?

Киваю в сторону вагона.

– Да что ты заладил, фриц?! Много – не много... Нам есть нечего!

– Он путает мое имя, – недовольно произносит Кегель. – Я – Франц!

– Э-э-э... я думаю, он вовсе не тебя имеет в виду. Все то же – хочет есть!

– Он часто сюда залезал?

– Непохоже. Думаю, что в первый раз. Что будем с ним делать?

Действительно, что? По логике вещей – сдать в полицию. Но это ему вылезет боком, за такие вещи по голове не погладят! И мы оба это понимаем.

Франц внезапно сдергивает с парня пальтишко и трясет его. На землю падают какие-то немудреные вещи, зажигалка, какие-то железки – обычный хлам, который таскает в карманах любой мальчишка. Кегель рывком поднимает парня на ноги и ощупывает у него карманы.

Пусто.

В том смысле, что ничего интересного там нет. Нет бинтов, медикаментов, и еды тоже никакой.

– Он не врет... – глухо говорит мой товарищ.

Обернувшись, он делает два шага к вагону и, размахнувшись, ловко забрасывает в окно упаковку бинтов.

– Вот так! Нет никакой кражи!

М-да? Даже так?

– Что у тебя с собой из еды?

– Галеты... Сыр еще есть...

– Дай сюда! – Франц забирает у меня продукты и, вытащив из своего кармана банку сардин, сует все это растерянному мальчишке.

– Вон! – делает он недвусмысленный жест рукой. – Бежать!

– И почему ты так поступил? – провожая взглядом улетающего парня, спрашиваю я.

– Ты знаешь, что такое голод? Когда нечего есть и родная сестра выходит на панель, чтобы прокормить своих младших братьев?

– Н-нет... не довелось такого испытать...

– Тогда ты меня не поймешь...

А через пару дней меня вызвали в один из кабинетов госпиталя. Зашедший санитар кивнул на дверь в коридор и посоветовал поторапливаться – мол, времени немного, а герр оберарцт человек занятой.

Поднимаюсь на второй этаж и топаю к указанному кабинету. Стучусь.

– Войдите!

– Герр оберарцт! – вытягиваюсь я на пороге. – Прибыл согласно вашему приказу!

– Вот как? – прищуривается сидящий в кабинете пожилой врач. – Прибыл? А кто прибыл? Отчего не представляешься?

– Виноват, герр оберарцт! Но я до сих пор не помню своей фамилии! Да и в имени, откровенно говоря, тоже не до конца уверен...

– Понятно... – кивает Кишбеер (надо думать, это он – кому же еще я тут нужен, кроме него?). – Ладно, гренадер, садись-ка ты на кушетку.

Он подходит ко мне и теплыми чуткими пальцами ощупывает мою голову, разворачивает меня лицом к свету и всматривается в глаза. Возвращается к столу и, листая лежащие на нем бумаги, начинает подробные расспросы. О чем? Да обо всем. Как я сплю, вкусно ли здесь кормят и что мы делаем в команде выздоравливающих. Давно ли я читал газеты, и какие новости заинтересовали меня больше всего. И многое другое, на мой взгляд, совершенно не относящееся к делу. Станный случай, когда меня вдруг стошнило после выпитого шнапса, его отчего-то совсем не удивил. Впрочем, он врач, и ему виднее. Стараюсь не пропускать никаких мелочей. Вот разве что про происшествие на станции ничего ему не рассказал... Но напрямую он и не спрашивал, так что обвинить меня в неискренности – не получится. Примерно через час оберарцт замолкает и некоторое время что-то пишет.

– Угум... понятно. События последних дней ты помнишь. Даже и в деталях, это хорошо! А вот все предыдущее... Ретроградная амнезия? Очень возможно... Ну что ж... попробуем так...

Он встает и, подойдя к шкафу в углу комнаты, открывает дверцу.

– Держи!

И через всю комнату ко мне летит карабин.

– Заряжай!

Прижав локтем к телу приклад, подбиваю ладонью вверх рукоятку затвора. Рывок на себя! А левая рука привычно скользнула вниз – к подсумкам.

Но их же нет!

– Продолжать!

Ладонь привычно хлопает по бедру, скользит вверх, в попытке зацепить застежку. Ухватив пальцами воображаемую обойму, заученным жестом тычу ее в карабин.

Щелчок большого пальца – сейчас пустая обойма отлетела бы в сторону. Левая рука, оборачиваясь вокруг цевья, охватывает оружие, а правая уже толкает рукоятку затвора вперед.

– К бою! Цель – то дерево! – тычет рукою в направлении окна врач.

И вновь приходят в движение мои руки. Левая рука скользит под цевье оружия, а правая, обтекая шейку приклада, – к спусковому крючку. Задержать дыхание, пол-оборота... приклад привычно уткнулся в плечо.

– Огонь! Пять патронов – беглым!

Щелчок.

Правая рука меняет положение – к затвору. Локоть держать! Не оттопыривать рук в стороны! Голову влево!

Лязгает затвор, и рука скользит назад, к спусковому крючку. Голова на место... так, цель чуть сместилась... ствол повернуть...

Щелчок!

– Стоп! Оружие – разрядить! К осмотру!

Рывок затвора, взгляд в патронник – пусто. Левая рука вздергивается к плечу, поднимая ствол карабина к потолку. Разворачиваю оружие открытым затвором к врачу и прижимаю приклад карабина правой рукой к телу.

– Так-так-так... – Кишбеер обходит меня вокруг, с интересом приглядываясь к моей стойке. – Вольно... гренадер. Затвор – закрыть, оружие поставь к столу. Садись.

Ставлю в указанное место карабин. Только сейчас обращаю внимание, что он учебный. Казенник ствола просверлен, да и затвор оружия ходит подозрительно легко. Надо думать, еще и подаватель из магазина вытащили, да и бойка у него тоже наверняка не имеется – спилили. А что? Солдат, потерявший память... мало ли какие рефлексы могут вдруг всплыть из глубины его контуженного мозга! Отыскать в госпитале парочку патронов – вообще не вопрос: мы же разгружаем раненых, а у них в карманах такого добра – завались!

Подхожу к стулу и опускаюсь на него. Руки еще подрагивают. Я не ожидал такого поворота событий.

– Так вот, Макс, ты говоришь, что ничего не помнишь из своего прошлого. Возможно, это и так, но твое тело помнит гораздо больше головы. Во всяком случае, то, что забито у тебя на уровень безусловных рефлексов, выполняется абсолютно автоматически. – Доктор приподнимается со своего места и подходит ко мне. – Ну-ка привстань.

Приподнимаюсь, и он повторяет все те же процедуры: меряет пульс, приподнимает веко и рассматривает глаза, заставляет открыть рот и разглядывает зубы.

– А ты в форме, мой мальчик. Видно, что подобные упражнения для тебя не в новинку и не в тягость.

Он возвращается к столу и опускается на свое место.

– Ну что ж, подытожим увиденное. Сколько тебе лет?

– Не помню, герр оберарцт.

– Прикинем. Больше двадцати – это совершенно однозначно. И даже больше двадцати пяти. Зубы в хорошем состоянии, стало быть, возможность ухода за ними имела. Твоя строевая подготовка... Хм... Тут есть над чем призадуматься. То, что ты опытный солдат, – несомненно. Все движения выверены до автоматизма, и голова в них практически не участвует. Тело само помнит все, что должно знать. А это, уж поверь мне, не за один год получается. Локти прижимаешь к телу – вот это что-то новое. Обычную пехоту так не учат. И оружие к осмотру предъявляют совсем другим способом.

Он на некоторое время задумывается и делает какую-то пометку в своих бумагах.

– Опять же стрельба... Что-то похожее есть, но это не стандартная подготовка обычного солдата. Нет... Школа, несомненно, наша, но только чья?

Он задумчиво постукивает карандашом по столу.

– Встать! Смирно! Имя?! – резко выстреливает Киршбеер.

Как подброшенный пружиной, вскакиваю с места и вытягиваюсь. Ладони прижаты к бедрам, ступни вместе – стандартная строевая стойка.

– Макс Крас...

– Имя!

– Красовски, герр оберарцт!

– Звание!

На этот раз я беспомощно молчу.

– Часть!

– Пехотный батальон... Не помню, герр оберарцт.

– Так... Садись. Красовски, Красовски... И говор у тебя баварский. Хм. Ладно, посоветуемся мы и на эту тему. Я пропишу тебе лекарство, будешь принимать его в течение недели. А пока свободен.

Закрыв за собой дверь, выхожу в коридор и только сейчас замечаю, что по моему лбу скатываются крупные капли пота. Ничего ж себе, вот это встряску закатил мне доктор.

– Видите ли, Борхес, то, что я увидел у этого парня с потерянной памятью, однозначно указывает, что это старый и опытный солдат. На его теле есть отметины от ранений, причем достаточно старые, не менее двух-трех лет назад.

– Какие именно, герр оберарцт?

– Ну шрамы, еще всякая мелочь. Но вот одно ранение совершенно точно пулевое. Его ранили в ногу, и это было достаточно давно.

– Как давно? – Собеседник врача носил погоны обер-вахмистра и принадлежал к полевой жандармерии. Уже немолодой, с пробившейся в волосах сединой, он тщательно записывал в блокнот все то, что говорил ему врач.

– Я бы сказал, года три, если не больше.

– То есть тридцать девятый – тридцать восьмой?

– Я бы сказал, что и раньше.

– Где же он умудрился поймать пулю в это время? Разве что в Испании успел побывать? Но в этом случае ему действительно больше двадцати пяти лет. Скажите, герр оберарцт, ранение слепое?

– Да.

– То есть пуля еще в ноге?

– Не уверен. Можно сделать рентген – тогда я отвечу на этот вопрос точно. Но что это вам даст, Борхес? Он мог словить пулю из какого угодно ствола, и совершенно не факт, что это продвинет нас хоть на миллиметр.

– Не скажите, герр оберарцт, он же не медик, ведь так?

– Так. Я бы сказал, он очень даже не медик. Совершенно очевидно, что он учился прямо противоположным вещам.

– Так вот, доктор, сделайте ему рентген. А все остальное – это уже моя забота. Как, вы говорите, он стоял, когда показывал вам разряженный карабин?

– Вот так. – Врач поднялся с места и продемонстрировал фельджандарму стойку.

– А ведь это не пехотная стойка, герр оберарцт.

– Знаю. Именно это меня удивило.

– Так держат оружие только в том случае, когда у солдата мало места, и он не может держать его как положено. А где у нас такие места, доктор?

Прошло еще несколько дней. Я добросовестно пил выписанную мне гадость, результатом воздействия которой стал весьма хреновый сон. Но увильнуть хоть как-то от очередного приема этой отравы было совершенно нереальной затеей. Приносивший мне лекарство санитар отличался крайней недоверчивостью и подозрительностью. Приходилось терпеть и мужественно глотать это пойло.

Память ко мне так и не вернулась, несмотря на обещания доктора, а вот спать я стал хуже, и характер у меня испортился. Надо полагать, по причине хронического недосыпа. Как ни странно, но именно на этой почве я неожиданно близко сошелся с Кегелем. Не скажу, чтобы мы вели какие-то длинные разговоры, обычно попросту сидели рядышком. Он курил, а я разглядывал окружающую обстановку. Какие-то отрывистые куски воспоминаний толклись у меня в голове, и совершенно неожиданно для себя я вдруг начал осознавать, что рассматриваю эту самую обстановку исключительно на предмет ее возможного использования в бою.

«...Вот этот угол, на первый взгляд, выглядит очень соблазнительно: толстые бревна, не всякая пуля пробьет. Но для того, чтобы из-за него выстрелить, надо высунуть голову. А сделать это можно только в том случае, если высунешься из-за угла. Причем не где попало, а над штакетником, который к этому углу примыкает. А стало быть, и противник, если он не полный лопух, будет ожидать эту самую голову в указанном месте. Значит, что? Не высовываем отсюда башку. А лучше переползем к другому углу. Он хоть и не такой заманчивый, но внизу, на высоте полуметра от земли, выбит край одного из бревен, и получается неплохая амбразура, куда вполне можно высунуть ствол карабина. Да и сзади там лежит поленица дров, на фоне которой мои движения будут практически не видны. А вон та крыша крыта дранкой, и если отщипнуть несколько полосок, то вполне можно стрелять из глубины чердака. Никто меня там не увидит, а звуки выстрелов из-под крыши будут доноситься весьма неразборчиво – сразу и не поймешь, откуда стреляют...»

«Вон та банька – она из толстых бревен. И входная дверь у нее весьма и весьма внушительно выглядит. Казалось бы, классная позиция для обороны: окошки в стенах баньки узкие, только-только ствол просунуть. Но вся закавыка в том, что дверь бани до земли не доходит

на расстояние ладони, и закатить туда гранату – дело пустяковое. И все – никакие стены не помогут. Выскочить оттуда под обстрелом – дело безнадежное. Да и обзор из узких окошек неважный».

И вот такие размышления занимали меня практически все то время, пока я не был занят чем-то другим. Что-то пыталось пробиться из потаенных уголков моей памяти, но я так и не понял, что же это было. Ничего, что наталкивало бы меня на какую-то конкретику, вспомнить так и не удалось. Наблюдавший за моими раздумьями Кегель сочувственно похлопал меня по плечу:

– Не переживай, парень. То, что ты не помнишь имени своего ротного, – это еще не самая большая проблема. Кто знает, может быть, Господь Бог, лишив тебя некоторых воспоминаний, поступил во благо. Ты старый солдат, и я это вижу. У каждого из нас есть какие-то моменты, о которых порою хочется забыть и никогда не вспоминать.

Не могу сказать, чтобы его слова вызвали у меня какое-то отторжение. В принципе я был совершенно согласен, но легче от этого вовсе не становилось. Так прошло несколько дней, и меня опять вызвали в тот же самый кабинет. Но на этот раз там был уже совсем другой обитатель. Тоже немолодой дядька, хотя и не такой пожилой, как доктор. Но, ей-богу, я бы предпочел еще неделю пить эту самую гадость, лишь бы не встречаться с сегодняшним обитателем этого кабинета. Ибо сидел там самый натуральный фельджандарм. А вот к этим парням на закуску попадаться категорически не рекомендовалось. С юмором у них было плохо, а въедливости – хоть отбавляй. И сам факт, что моей персоной заинтересовалась полевая жандармерия, никакого энтузиазма вызвать не мог. Ладно уж медики – тут оно все привычно и понятно. А вот какая вожжа попадет под хвост этим ребятишкам, предположить было совершенно невозможно. Однако же делать было нечего, обратного хода не имелось, и, вытянувшись около дверей, я рапортую обитателю кабинета о своем прибытии. Против всех ожиданий, он настроен весьма благодушно: не спешит снимать с меня шкуру и выворачивать наизнанку все тайники души.

– Задал ты всем нам задачку, Макс. У господ офицеров от тебя уже голова болит.

– Виноват, герр обер-вахмистр, но я ничего такого не делал.

– Да знаю я, – отмахивается фельджандарм. – Подобрали тебя в воронке, с разбитой башкой и малость очумевшего. Вот и вылетело из этой башки все то, что в нее когда-то вложили командиры. По правде сказать, я и не думаю, что там было что-то особенно ценное, но порядок есть порядок, Макс. Согласись, ты же не можешь жить дальше человеком без имени, фамилии и без прошлого.

– Но я помню свое имя, – поколебавшись, чуть менее уверенно добавляю, – и фамилию вроде бы тоже.

– А ты уверен, что это твое имя и твоя фамилия?

– Нет, герр обер-вахмистр, – искренне отвечаю ему. – В этом я не уверен.

– Вот видишь, – назидательно поднимает палец фельджандарм. – Конечно, может быть, ты называешь действительно свое имя. Но ведь может случиться и так, что ты попросту запомнил имя кого-то из сослуживцев, который сам по себе является настолько замечательной личностью, что не знать его просто невозможно.

– Да, герр обер-вахмистр, так тоже может быть.

– Только ведь беда в том, Макс, что известность эта может быть двоякая. Это может быть действительно выдающийся человек, хороший солдат и честный сын великой Германии. А может быть наоборот – дезертир, бросивший своих товарищей. Вот его и объявили в приказе по части, а ты и запомнил. Что скажешь?

– Не знаю, что и говорить, герр обер-вахмистр. У вас в таких вопросах опыт намного больше, поэтому я всецело доверяю вам.

– Доверяешь? Ну что ж, давай поглядим. Итак, что мы знаем совершенно точно? Тебе больше двадцати пяти лет, строение зубов показывает, что за своим здоровьем ты следил и вовремя обращался к врачам. Дырок у тебя нет, и в положенных местах стоят пломбы. Ты, несомненно, опытный солдат. Мышечную память обмануть невозможно. С оружием обращаться умеешь, причем достаточно хорошо и на уровне автоматизма. Воевал и был ранен, медикам я в этих вопросах доверяю безоговорочно. Кстати, где ты словил пулю?

– Не помню, герр обер-вахмистр.

– А ведь тебе делали рентген, Макс. И он показал, что в правой ноге у тебя действительно пуля. Винтовочная! И хочешь знать, из какой винтовки?

А вот это он уже заливает. С тем, что наличие пули в ноге рентген безусловно покажет, я спорить не собираюсь. Но, не разрезая ноги, выяснить, из какого оружия эта пуля вылетела, – вот уж фигушки.

– Откуда же мне это знать, герр обер-вахмистр? Это надо у главного врача спрашивать. Он человек ученый и такие вещи понимает.

– А что ж ты думаешь? И спросили. Наша это пуля, Макс. Из маузеровской винтовки выпущенная. И что ты на это скажешь?

Пожимаю плечами. Хоть из маузеровской, хоть из американской или английской – какая разница? Логичнее было бы, конечно, из русской: мы все-таки на русском фронте находимся. Но если верить врачам, рана старая, а война идет всего второй год. Высказываю свои соображения жандарму. Он кивает, соглашаясь.

– Да, действительно, дружище, какая в этом разница? У нас что – не бывает случаев, когда солдат по неосторожности попадает под огонь своих же товарищей?

– Немецкий солдат? – искренне удивляюсь я. – Был бы русский – я бы поверил.

– А ты так много про них знаешь?

– Ну... – в замешательстве чешу подбородок, – не очень, конечно, то же, что и все.

– И знаешь их язык?

А вот это, интересно, он откуда узнал? От Кегеля? Не факт. Да и что мой товарищ мог им рассказать? Я с этим мальчишкой практически не разговаривал, да и нельзя это назвать разговором.

– Нет, герр обер-вахмистр, я русского не знаю. Отдельные слова, те, что написаны в разговорнике, – так это все знают.

– Но не все знают их наизусть.

– Так и я наизусть не знаю. Я ж тут с ними ни с кем и не разговаривал. Как-то не было такой возможности, да и ни к чему. Какие у нас могут быть разговоры, о чем?

– Да? Ну значит, мои информаторы ошиблись и это был кто-то другой. Ничего удивительного, дружище, выздоравливающие солдаты очень похожи друг на друга.

Обер-вахмистр встает и берет из угла знакомый карабин. Бросает его мне. Совершенно автоматически я вскакиваю, ловлю оружие в воздухе и застываю в ожидании команды. Жандарм удовлетворенно кивает.

– Солдат, врачи не ошибаются. Оружие тыловишь именно как оружие, а не как обычный предмет.

Я удивленно смотрю на собеседника.

– Не понял?

Утвердительно киваю.

– А ты возьми-ка его на изготовку.

Раз – и карабин у моего плеча.

– И как много времени на это потребовалось?

– Секунда, герр обер-вахмистр.

– То есть, перехватывая карабин в воздухе, ты уже изначально предполагаешь, что из него придется стрелять. И руки уже сами выбирают, как лучше его ухватить. Метлу или лопату держат иначе, чем оружие. А это тренировки, Макс. Долгие. И трудные. Где тебя учили?

– Не помню, герр обер-вахмистр. Я совсем ничего не могу вспомнить об этом.

– Интересно было бы посмотреть на тебя в бою... Ну да ладно! Оружие разрядить – к осмотру.

Жандарм внимательно обходит меня со всех сторон.

– Кстати, а почему ты так держишь оружие? Ведь уставная стойка совсем другая.

– Так учили, герр обер-вахмистр.

– И где ж тебя так учили... Такое слово – Гармишпартенкирхен – говорит что-нибудь?

– Нет, герр обер-вахмистр. Я не знаю, где это и что это.

– Надо же, а я думал, знаешь. А на флоте тебе служить не приходилось?

– Только с берега и видел, герр обер-вахмистр.

– А на самолете летать? Или с парашютом прыгать?

– Ни разу, герр обер-вахмистр.

Жандарм молчит и в задумчивости постукивает по столу пальцами.

– У тебя нет зольдбуха. Нет почти никаких личных вещей. Нет оружия, и жетон тоже отсутствует. Да от формы остались одни лохмотья: взрыв произошел совсем рядом. Я еще могу допустить, что вещи разбросало взрывом. Туда же унесло и оружие. Но жетон-то куда делся?

– Не знаю, герр обер-вахмистр. Я вообще ничего не могу вспомнить об этом.

– А вот госпитальные порядки ты знаешь очень даже хорошо. Приходилось лежать и раньше? Так ведь?

– Наверное, герр обер-вахмистр. Вам виднее, вы же лучше знаете подобные ситуации. Наверняка уже встречались с чем-то похожим.

– Правильно мыслишь, Макс. И не только с таким. Поверь мне, я уже много видел различных случаев. И память теряли, и документы. Но все в конечном итоге выяснялось. Правда, бывали случаи, когда это выясняли слишком поздно. Сам ведь знаешь, от пятисотого батальона у нас никто не застрахован. Решат, что ты дезертир, или что-то в этом духе... Нет-нет, не подумай, что я тебя пугаю, просто в моей практике такие случаи уже встречались, и было, что из-за мелкого проступка солдат симулировал потерю памяти. Но это у него получилось не очень хорошо и вызвало обоснованное подозрение. Вот и загремел бедняга в собачий батальон. Там-то он все быстро вспомнил. Да только вот помогло это ему мало: пока бумаги ходили туда-сюда... Словом, освобождать было уже некого. Так что подумай, Макс, хорошенько подумай и постарайся вспомнить.

– Что вспомнить, герр обер-вахмистр?

– А все. Все, что вспомнишь, сразу мне и расскажи. Так и скажи любому санитару: мол, хочу видеть старину Борхеса. Не сомневайся, я очень быстро тебя найду. А сейчас иди, выздоравливай и восстанавливай память.

Когда за моей спиной захлопнулась дверь, я не чувствовал себя настолько выжатым, каким был после приема у Киршбеера. Пот не катился градом у меня по лицу, не колотила дрожь. Но вся ситуация напоминала мне состояние перед прыжком в воду с высокого обрыва. Вот ты стоишь, наклонился, и понятно уже, что отыграть назад не получится, надо прыгать. А если не прыгнешь, то с большой долей вероятности полетишь в воду просто так, неподготовленным. И не факт, что это будет лучше. То есть прыгать надо, другого выхода просто нет. Но ты цепляешься за каждую долю секунды, что осталась перед прыжком. Даже за воздух готов пальцами держаться. Потому что – страшно. Здесь привычная земля (в которую уже готовы пустить корни твои пятки), а там, внизу, – неизвестность. Может быть, вся эта лужица глубиной по колено, и уже через секунду хлюпнувшие мозги разлетятся по поверхности воды. А

может быть, там глубоко, и, красиво прорезав стрелой воздух, ты почти бесшумно войдешь в воду и, описав там положенный пируэт, вырвешься наверх. Наверх, к воздуху. И к свободе, которая ждет тебя там, внизу.

Главврач отложил в сторону исписанные листы и поднял глаза на стоявшего перед ним фельджандарма.

– Итак, старина Борхес, что вы можете сказать по данному случаю? Физически состояние Макса вполне удовлетворительно, и я не вижу причин, чтобы дальше держать его в госпитале. Мест не хватает даже для тяжелораненых. Если, как вы говорите, он опытный солдат, то его место на фронте. Если у вас есть какие-то сомнения, изложите их. В любом случае меня интересуют все ваши доводы, поскольку окончательное решение все-таки за мной.

– В тот день на станции, герр штабсарцт, разгружалось сразу несколько частей. В том числе и группа выздоровевших солдат, направленных для прохождения службы после излечения в госпитале. Не в вашем, герр штабсарцт. Наведенные мною справки не позволили однозначно подтвердить или опровергнуть факт нахождения Макса в этой группе. Двумя днями раньше этот госпиталь был захвачен бандитами и подожжен. В огне погибла часть документации. Из служащих госпиталя уцелели немногие. Никакие запросы также не пролили света на личность этого солдата. Он, несомненно, немец. Опытный боец, прошедший хорошую выучку. Но вот установить, где и при каких обстоятельствах он ее проходил, мне не удалось. Что-то очень знакомое, но память не подсказывает мне вывода. Мелькнула было мысль, что он – из горноегерских или десантных частей. У тех специальная подготовка, да и воюют они порою в весьма стесненных условиях. Отсюда и специфические приемы обращения с оружием. Но для десантника он слишком крупный – те чуток постройнее будут. Да и физически они покрепче. А егеря хорошо помнят название города, где их обучали. Для Макса же это слово – пустой звук. Отсутствие у него личных вещей и документов вполне объясняется, если вспомнить, в каком состоянии он был обнаружен. Там только верхняя часть одежды осталась относительно целой – все прочее разодрало в лохмотья. Словом, герр штабсарцт, у меня нет оснований требовать в отношении него каких-то экстраординарных мер. Полагаю, что это чисто медицинский случай, не входящий в компетенцию фельджандармерии.

– Вы абсолютно в этом уверены, мой друг?

– Да, герр штабсарцт. И готов подписаться под каждым своим словом.

– С медицинской точки зрения у меня тоже нет никаких причин для дальнейших проволок. Он ведь у нас гренадер?

– Ну во всяком случае, если судить по знакам различия, то да.

– Вот и отправим его по соответствующему адресу. А там только рады будут незапланированному пополнению. Благодарю вас, обер-вахмистр. Вы мне очень помогли.

– Всегда рад помочь, герр штабсарцт! – поднялся с места фельджандарм. – Да, кстати, а на чье имя вы собираетесь ему документы выписывать?

– Хм... – потер подбородок главный врач. – Ну... это дело канцелярии, я полагаю?

– Не совсем, герр штабсарцт. Нет, разумеется, сопроводительные документы выписывает ваш писарь – это так! Но вот на чье имя? Мы ведь так и не установили фамилии этого Макса!

– Но он же назвал ее Киршбееру!

– Предположительно. Не факт, что это его настоящая фамилия. Вдруг впоследствии выяснится что-то? Солдат мог и ошибиться, ему простительно – контузия. А вот офицер... который эти бумаги *подписывает*...

– И что вы предлагаете?

– Герр Киршбеер что-то там говорил о специальном госпитале, куда попадают такие вот... забывчивые...

– То есть?

– Я точно не знаю... вроде бы их там как-то даже лечат. Внушением и электрошоком, что-то такое...

– Вот как? Что ж, пожалуй, в данной ситуации подобный выход стал бы наилучшим!

– Да. Вот *там* пусть и выдают Максу бумаги – какие угодно. С нас в подобной ситуации никто не спросит.

Вот так и решилась судьба одного из множества солдат, прошедших через этот госпиталь... Вместо ожидавшей его передовой он получил пока небольшую отсрочку от новой встречи со смертью. Впрочем, надолго ли?

Прощание наше было весьма трогательным. Невезучий Вилли совсем размяк, и даже голос у него слегка изменился. Дрогнул даже глыбоподобный Кегель – вот уж чего я совсем не ожидал! Покровительственно похлопав меня по плечу, он молча сунул мне в руки небольшой нож в черных кожаных ножнах и удалился. На прощание мы с ним обнялись, немало озадачив этим окружающих. От молчаливого здоровяка никто такой мягкости не ожидал. Мне уложили в новенький ранец пару пачек галет и даже бутылку свежего молока – приволок со станции Циммерман. Зажигалка, иллюстрированный журнал, прочий немудрящий солдатский скарб – все это заняло положенные места.

– Что ж, камрады, – встаю я со стула. – Мир тесен – еще увидимся!

Жму руки своим товарищам – ко многим я уже успел здесь привыкнуть – и выхожу в коридор. Поворот направо, спуск – и я во дворе. Здесь уже ждет нас грузовик: подбросят до станции. А там – поезд и несколько часов пути. Новый госпиталь – для таких, как я...

Выдержка из истории болезни Макса Красовски

(имя предположительное, со слов самого больного)

...Следствием данной контузии явилась практически полная потеря памяти. Больной не помнит своего имени и фамилии, никаких обстоятельств, предшествующих его появлению на станции. Отсутствие документов и личных вещей делает невозможным установление его личности таким способом. После неоднократных сеансов медикаментозного лечения и проведения восстановительной терапии он назвал свое имя – Макс – и предположительно фамилию – Красовски. Звания и номера части не помнит. На отправленные по инстанции запросы ответ до сих пор не получен...

...Физически крепок, тренирован. Телосложение спортивное. Вынослив, физически силен. После проведения соответствующей проверки установлено, что оружием владеет хорошо. Приемы обращения с оружием помнит, показал хорошую мышечную память. По результатам проверки установлено, что больной ранее проходил специальное обучение – присутствуют навыки обращения с оружием, не характерные для строевых частей вермахта. Реакция быстрая, на вопросы отвечает не задумываясь. В тех случаях, когда вопрос касается его прошлого, теряется и замолкает.

...Присутствуют следы от ранений. Четырехглавая мышца левой ноги – слепое огнестрельное ранение в верхней трети, пуля осталась в мышце. Операция не производилась, швы не накладывались.

Предплечье правой руки, в нижней трети, изнутри – шрам, предположительно от холодного оружия. Длинной 4,5 см. Шов – стандартный для подобных ранений.

Веко левого глаза, у переносицы. Шрам – предположительно от колющего оружия. Длина шрама – 0,6 см.

Спина справа, в районе верхнего края лопатки – многочисленные зажившие шрамы от осколочных ранений. Поверхностные – рентгеноскопией в теле осколков не обнаружено. Предположительно ранения нанесены осколками ручной гранаты. На это указывают их небольшие размеры.

...Полость рта санирована. Установлены две коронки желтого металла. Характер изготовления коронок и качество их исполнения позволяют сделать вывод о том, что данная работа выполнена квалифицированным специалистом. Ввиду малого количества материала и невозможности провести более тщательное исследование без демонтажа коронок сделать более конкретный вывод не представляется возможным.

...Отношения с товарищами по госпиталю поддерживает ровные, дружеские. Пользуется среди них авторитетом и уважением. Проявляет разумную бережливость и аккуратен в быту.

Кисти рук и пальцы – чистые, без повреждений и ранений. Ухоженные, черной работой не занимался. Хотя в беседах неоднократно указывал на то, что знаком с устройством автомобиля, умеет его ремонтировать и водить.

Особое мнение обер-вахмистра Юргена Отто Борхеса

Это, несомненно, опытный и хорошо обученный солдат. Некоторые специфические приемы обращения с огнестрельным и холодным оружием указывают на то, что он проходил подготовку под руководством инструкторов, обучающих специальные подразделения вермахта. Такие, как горнострелковые войска или десантные части. Внимателен, очень хорошо отслеживает окружающую обстановку и правильно ориентируется в самых разных местах, даже и в незнакомых. Молчалив, в разговоре обычно выступает слушателем. Хороший собеседник, умеет расположить к себе окружающих, проявляя неподдельный интерес к их словам. Память восстанавливается быстро, когда он получает соответствующий толчок в нужном направлении. Крайне осторожен, всегда, прежде чем присесть, проверяет место отдыха. Старается сделать это незаметно для окружающих.

Рекомендуется тщательное наблюдение специалиста соответствующего профиля.

Все больницы похожи друг на друга. Одинаковым запахом медикаментов, пропитавшим их коридоры. Схожим выражением лиц обслуживающего персонала и дежурными улыбками медсестер. Побывав в одной, можно безошибочно ориентироваться и в любой другой. По запахам определять перевязочную, по голосам за дверью – ординаторскую. Даже звук шагов по коридору – и тот везде одинаков. Раненые и больные передвигаются медленно, стараясь лишний раз не нагружать свой организм. Санитары и медсестры – те ходят быстро, им надо одновременно успеть во множество самых разных мест. Неторопливо шествуют врачи – вершители судеб. А когда в тишине по коридору звучат уверенные шаги главврача, госпиталь на мгновение затихает...

Но здесь мы не слышим шагов – в коридорах царит тишина. Никто не бежит по зданию, стремясь поскорее выполнить поручение. Не скрипят двери, и доски пола не жалуются на судьбу. Небывалое дело – на них постелены дорожки и коврики! А я уже совсем забыл про эту деталь обстановки... Здание молчит, не нарушая посторонними звуками тишины. И мы стараемся почему-то говорить вполголоса. Почему? Не знаю... так тут ведут себя все.

Мой лечащий врач – Эгон Фурц, уже вполне взрослый, солидный человек. Разглядывая меня в свои золотые очки, он что-то мурлычет себе под нос, какую-то мелодию. Врач нетороплив и спокоен, кажется, ничто на свете не способно его удивить. Внимательно прочитав мою

историю болезни и перелистав еще какие-то бумаги, Фурц сильными пальцами ощупывает мне голову.

– Здесь? – нажимает он какую-то точку за ухом. – Что ты ощущаешь?

– Э-э-э... прошу прощения, герр оберарцт, а что я должен ощутить? Болит немного... и все.

– Как болит?

– Ну... вы надавили, вот и побаливает.

– Не покалывает?

– Нет.

– Марта, – поворачивается он к медсестре, сидящей за приставным столиком, – запишите...

И он диктует ей какую-то абракадабру.

Латынь? Может быть...

Совместно с другим врачом Фурц меня осматривает, заставляет раздеться, и они оба внимательно изучают все мои шрамы и отметины. Вновь звучат непонятные медицинские термины. И что они хотят выяснить таким образом?

– Где вы получили ранение в ногу? При каких обстоятельствах?

– Не помню, герр оберарцт. Помню только, что мне перевязали ногу... больше ничего.

– Шрам на руке – от чего?

– Это помню! Мы подрались... у меня хотели отобрать деньги, а я неудачно отмахнулся рукой.

– Как давно?

– Ну...

– Отвечать быстро!

– Я еще совсем мальчишкой был...

Врач кивает – это событие перестало быть ему интересным.

– Марта, назначаю ему сеансы электролечения. Для начала – пять. Потом покажем его доктору Бернсу, мне кажется, это его пациент...

Электролечение?

Я, конечно, в нашу науку верю. В то, что она самая передовая и правильная, – так и вовсе. Но вот совать пальцы в розетку... как-то это меня напрягает. Неохота, знаете ли...

Впрочем, моего мнения никто и не спрашивает. Так что уже утром следующего дня я лежу на жестком топчане, опутанный какими-то проводами и пристегнутый к нему ремнями. А немногословный санитар около электрощитка пощелкивает какими-то тумблерами.

– Режим, – говорит ему медсестра за столиком и делает какую-то пометку в бумагах.

– Есть режим! – что-то включает санитар.

– Проверка амплитуды.

– В норме! – откликается электромедик.

– Включайте!

Отчего мне никто сразу не сказал, что под электролечением подразумевается обыкновенный (или нет, кто там его знает...) электрошок? Удовольствие весьма сомнительное, я вам скажу... Самого бы этого врача сюда, глянуть, как он в дугу сворачиваться станет. Больно же! Кто только изобрел эту пытку?! И результаты ее тоже... Строго говоря, вообще незаметны или как минимум неоднозначны. Ну ускорила у меня какая-то там реакция – и что? Память-то не вернулась! Бетховеном не стал и на скрипке играть тоже, скорее всего, не буду. А вот злости – той поприбавилось. Да и мотает меня во все стороны, словно дубиной по башке звезданули.

Теперь я понимаю, отчего в коридорах больницы лежат коврики и дорожки. Здесь и сейчас любой посторонний звук способен вывести меня из себя. Надо думать, я тут не один такой... нервный.

Дни идут как-то медленно. Возможно, оттого что они до предела насыщены всевозможными процедурами? Не знаю... Но вот на сеанс гипноза шел с волнением. Уж больно интересные штуки о нашем докторе Крауци рассказывали на прогулках мои собраты по лечению. И видит-то он насквозь, да и внушить может всякое...

– Как он мне предложил последнюю девчонку вспомнить! – восхищенно говорил коренастый артиллерист Ханс Баумгартен. – Я сначала-то засомневался... мол, где та Ингрид, сколько уже времени прошло! А он – не отстает! Говорит – ты же ее трогал? А то, отвечаю! И не только руками, так сказать... Ну и вспоминай, кивает доктор. А я тебе помогу, подскажу, если что...

– И как? – интересуюсь я. – Удалось?

– Спрашиваешь! После этого – аж трусы стирать пришлось... – смущается Ганс. – А дальше – прямо как из мешка все и посыпалось! И взводного вспомнил, да и ребят всех тоже... Мне рыжий Ольбрихт десять марок задолжал – теперь-то спрошу! А он-то, поди, и обрадовался!

Доктор же на поверку оказался совсем нестрашным. Худым, как жердь, и очень болтливым. Он усаживает меня на стул и устраивается напротив.

– Контузия? – участливо спрашивает Крауци.

– Так точно, герр...

– Доктор. Просто доктор.

– Так точно, герр доктор. Совсем рядом рвануло!

– Бывает, – сочувственно кивает он. – А как близко?

– Ну... совсем близко, как мне сказали. Я только помню землю перед глазами... встала она дыбом. Или это я упал?

– Хорошо помните?

– Ну... да.

– Описать сможете?

– То есть?

– Ну раз вы ее вблизи видели, то какие-то отдельные моменты наверняка лучше рассмотреть смогли?

– Да... наверное.

– Вот и опишите мне их. Комочки земли, камешки – тоже, наверное, имелись?

– Были, – уже увереннее отвечаю я. – Один – точно помню!

– Вот с него и начнем. Большой он был или нет? Какой формы? Цвет?

А дальше я совсем ничего не помню. Прихожу в себя, когда на улице уже смеркается. Крауци сидит за столом и что-то пишет.

– Очнулись? – спрашивает он, не поднимая головы.

– Так точно, герр доктор.

– И как ваше самочувствие?

– Да... нормально все. Только ничего не помню.

– Это не страшно. Не все сразу, мой друг. Идите. Завтра мы с вами еще встретимся.

А ночью, лежа в кровати, я ворочаюсь с боку на бок. Сон не идет, словно что-то ему мешает. Какие-то странные обрывки мыслей носятся у меня в голове. Никак не могу ухватить хоть одну из них за хвост, чтобы осмыслить и понять. Врач, несомненно, мастер и что-то там сумел разбудить в моей памяти. Знать бы – что именно?

И вновь был день. Очередная встреча с милым доктором Крауци. Еще один сеанс электролечения. И еще одна бессонная ночь от боли в уставших мышцах.

Это не осталось незамеченным, и вечером меня пичкают снотворным – режим! Больной обязан спать в отведенное ему время.

А на завтра – все идет по проторенной колее.

Начинаю замечать, что я уже несколько иначе смотрю на окружающий мир. По звуку забором различаю тип проехавшего автомобиля. Это – грузовик, а вот сейчас протарахтело что-то небольшое и верткое. Какая-то маленькая машинка. «Опель»? Почему именно он? Не знаю...

Делюсь своими открытиями с Крауци.

Он кивает.

– По-видимому, раньше вы имели отношение к машинам. Интересно...

Врач встает и делает мне знак следовать за ним.

Обойдя здание, мы подходим к стоянке. Здесь стоят автомашины сотрудников клиники. Доктор вытаскивает ключи и открывает дверцу одного автомобиля.

– Садись, Макс! – кивает он на водительское сиденье.

Устраиваюсь поудобнее. Машина еще не старая, чуть-чуть чем-то пахнет...

– Масло подтекает, герр доктор?

– Унюхал?

– Так точно, герр доктор!

– Спокойнее, Макс. Расслабься. Возьмись за руль, так. Включай передачу... первую.

Руки мои совершенно автоматически выполняют указанные операции. Снимаю машину с ручного тормоза. Только с передачей я чуток задерживаюсь, не сразу сумев выполнить то, что от меня требуется.

– Так. Нейтралка. Задняя передача. Хорошо. Снова первая, вторая... Машина спереди! Тормози!

Непроизвольно выжимаю сцепление и утапливаю педаль тормоза! А руки вцепляются в руль. Тело вжимается в спинку сиденья.

– Все, Макс! Расслабься и вылезай.

Автоматически ставлю автомобиль на ручник и открываю дверь.

– А ты водил машину! – покачивает головою Крауци. – И долго – навыки остались в памяти. Причем именно легковую! Не грузовик. Ладно, Макс, учтем и это...

А ночью, перед тем как снотворное окончательно меня вырубает, я веду незнакомый автомобиль. Большой и черный, он легко преодолевает неровности – мы едем не по дороге. Что-то бухает в ушах – музыка? Какая-то странная... «Рамштайн»? Откуда я это знаю?

– Ну что скажете, Герберт? Как там ваш пациент? Этот, как его... Макс!

– Прогресс налицо, герр профессор. Он с каждым днем вспоминает все больше. Надо полагать, до войны он был водителем. Причем на легковой машине. Таксист, скорее всего.

– Почему вы так думаете?

– Я выезжал с ним в город. Машину он действительно ведет неплохо, и я не беспокоился на этот счет. Так вот, увидев стоявшую у дороги девушку, он автоматически сбавил скорость и повернул в ее сторону – хотел подобрать. Но посмотрел на меня и сконфузился. Стоящий потенциальный пассажир – явление ему привычное.

– Хм! Возможно!

– Он вспоминает музыку, и даже мелодии какие-то мне пытался изобразить. Странные, непривычно ритмичные. Но не лишённые некоторой красоты. Хотя и весьма своеобразные.

– Имя?

– Он – Макс, это точно. Фамилия, которую он назвал в госпитале, – с большой вероятностью тоже его собственная. Солдат – его тело помнит многое. Во время воображаемого обстрела он мгновенно отыскал в моем кабинете наилучшее укрытие от огня.

– Ваше мнение?

– Полагаю, его уже можно выписать. Дальнейшая работа с ним имела бы смысл, будь это офицер, чья память и боевой опыт представляют собой большую ценность. А так... это солдат, он помнит, как рыл окопы, ворочал камни и выталкивал засевшие в грязи грузовики. Все это он может делать и сейчас, даже без дальнейшего лечения.

– Ну что ж... Полагаю, вы правы. Стало быть, Макс Красовски?

– Да, герр профессор.

И вновь стучат под полом вагона колеса. Поезд опять уносит меня в неизвестность, навстречу будущей судьбе. Разумеется, в вагоне я не один. Одновременно со мной из больницы выписали еще несколько человек, чье лечение уже подошло к концу. Хотя, по нашим данным, на скорость выписки повлияло не столько удовлетворительное состояние здоровья пациентов, сколько напряженная обстановка на фронте. Она-то и явилась для нас основным лекарством. Врачам некогда возиться с рядовыми солдатами. Ходить может? Винтовку держать способен? Команды понимает? Так чего же еще от него требуется?

Вот так и закончились для нас счастливые денечки. Мы опять движемся к передовой. Туда, откуда нас всех недавно привезли. Под Петербург. Правда, русские называют этот город по-другому, по имени одного из своих вождей. Но у нас это название популярностью не пользуется. Наш путь лежит в маршевый батальон. Обычно солдата всегда возвращают в его часть, но все мы – особый случай. Здесь не так много потерявших память вроде меня. Но получивших те или иные психические расстройства – каждый второй. Не всякий командир рискнет доверить оружие такому солдату. Но в армии всегда есть какие-то дела, которые можно выполнять и не имея вооружения. Если смотреть с этой точки зрения, многим из нас повезло: они будут вдали от передовой, а стало быть, получат лишний шанс уцелеть в этой бойне. Многим, но далеко не всем. Вот лично мне, например, такая удача не обломилась. В личном деле имеется запись: «Годен без ограничений». И эта короткая строчка уже сейчас отделяет меня от товарищей, которые едут со мной в одном вагоне. Никто из них не произнес еще ни слова на эту тему, но мысленно всем все ясно. У них есть шанс уцелеть, а я уже очень скоро буду месить сапогами окопную грязь. Скорее всего, мы уже никогда не встретимся, и каждый из нас это понимает. Поэтому, улучив момент, когда поезд делает длительную остановку для смены паровоза, шустрый и пронырливый Юрген Больц убегает куда-то на станцию и через десяток минут возвращается назад. На его лице написано торжество: вылазка удалась. Не зря мы все скидывались, собирая ему сигареты для обменного фонда. Юрген приносит с собой литровую бутылку с мутной жидкостью. Это самодельный шнапс, который гонит неведомо из чего местное население. Гадость страшная, от него поутру болит голова и сухо во рту. Но по мозгам это пошло шибает чуток послабее лома. Память вымывает начисто. А это именно то, что сейчас всем нужно. Никому не хочется сейчас думать о том, что будет ждать нас в ближайшие дни.

Мы пьем. Молча, не чокаясь. Никто не произносит никаких тостов. Да и вообще говорим мало. Каждый из нас давно уже решил про себя, за что именно он поднимет свою рюмку. Впрочем, рюмок у нас тоже нет. Наливаем мутную жидкость в колпачки от фляг. Еды у нас немного: галеты, чуток сыра и банка сардин. Странное дело, но мне вот это молчаливое застолье что-то напоминает. Перед глазами встает угловатая коробка бронированной машины. Дует холодный ветер, и с неба изредка срываются мелкие капли дождя. На окружающих меня солдатах какие-то непривычные каски и незнакомая военная форма. Мы тоже пьем. Холодную водку из жестяных кружек. Только что на mine подорвалась наша головная машина, погиб водитель. Известные стрелки открыли по нас огонь из леса, и их пули высекали длинные искры от

железных бортов нашей техники. Мы тоже стреляли в ответ. Потом начала бить артиллерия, кусты встали дыбом и полетели в разные стороны. А после этого мы вошли в лес. В ушах еще грохочут выстрелы и слышны отрывистые команды. Странно, но почему-то я не понимаю этих слов. Хотя и знаю, что команды обращены именно ко мне. А потом мы сидим, прикрывшись стальным боком бронетранспортера от леса, и разливаем в кружки холодную водку. Что произошло, по какой причине мы это делаем – я не помню.

– Макс! Очнись!

Рывком поднимаю голову и возвращаюсь к действительности. Вокруг удивленные лица товарищей.

– Что случилось?

– Что у тебя случилось, Макс? Ты вдруг весь побледнел, заскрежетал зубами... Мы уж думали...

– Спасибо, Юрген. Со мной все в порядке. Так... Старое вспомнил. Нас тогда обстреляли из леса какие-то бандиты. А под передней машиной взорвалась мина, и погиб водитель.

– Понимаю, – сочувственно кивает мой собеседник. – Такое у всех бывает иногда.

– Благодарю. Но мне уже лучше. Там еще осталось что-нибудь? – киваю я на бутылку. – Разливай!

И мы допиваем мутную самогонку. Она проваливается в желудок как вода, хмель не берет меня совсем.

Уже после, ворочаясь под шинелью и пытаясь уснуть, я вдруг понимаю те слова, которые кричал бегущий рядом со мной пулеметчик:

– Ложись, дурак! Не подставляй свою пустую башку под пули!

Бог знает почему, но именно эти слова он отчего-то произносит по-русски. Именно по-русски, сейчас я это отчетливо понимаю. Почему мне кричит по-русски мой товарищ? С этой мыслью я проваливаюсь в глубокий сон.

На станции наша команда разделилась. Я направился к станционному зданию: требовалось найти транспорт, чтобы ехать дальше. А мои товарищи, пожав на прощание руки, затопали в сторону складских домиков, расположенных чуть в стороне от железнодорожных путей. Их путь на этом закончился, а мой лежал дальше.

Попутного транспорта сегодня не ожидалось: мы слишком поздно прибыли. Идти пешком мне совершенно не улыбалось, тем более что и путь предстоял неблизкий. Поэтому я с благодарностью принял предложение помощника дежурного по станции переночевать в бывшем зале для пассажиров дальнего следования. Поскольку таковых пассажиров в ближайшее время никто не ждал, в зал поставили койки и сделали из него место для отдыха таких вот опоздавших, как я. И хотя спать совершенно еще не хотелось, мне вспомнилась старая солдатская мудрость: спи сейчас – потом не дадут. Руководствуясь этим принципом, я снял сапоги и завалился на матрац.

Сон вышел опять каким-то непонятным. На этот раз никто никуда не стрелял и не гнал нас ловить по кустам неведомых бандитов. Напротив, все мирно сидели около костра, изредка поднося к губам жестяные кружки. Все сидящие вокруг были одеты в привычную для меня форму, знаки различия и все остальное вполне соответствовало действительному положению вещей. Вот только разговор у нас шел какой-то странный. Многих вещей, о которых мы вспоминали, я отчего-то совершенно не понимал. Равно как и не понимал многих слов, которыми обменивались мои товарищи. Но, судя по тому, как непринужденно они ко мне обращались, этого непонимания никто из окружающих не замечал. А говорили мы совершенно спокойно, никто не дергался и не прислушивался, не загудит ли в воздухе мотор вражеского бомбардировщика. Картина была почти идиллическая, и, если бы не военная форма на моих собеседниках, можно было бы подумать, что это собрались на привале охотники. Внезапно они задвигались, начали подниматься со своих мест, освобождая проход к костру кому-то, кто подходил

к нам из темноты. Отблеск огня слегка осветил его фигуру. Что-то в ней было непонятное, несвойственное... Я приподнялся, чтобы получше его рассмотреть...

– Вставай! – меня бесцеремонно толкнули в плечо. – Твоя машина подошла!

Вот как? У меня уже есть персональный автомобиль? А как же ему не быть? Около крыльца стоять должен.

Меня еще раз тряхнули за плечо, и я окончательно проснулся. Какой к чертям свинячьим автомобиль?! Какая только чушь не лезет в голову спросонья!

– Да?

– Подошла колонна автомашин. Как раз в ту сторону, куда тебе нужно. – Около кровати стоял коренастый ефрейтор. – Если ты пошевелишься и возьмешь ноги в руки, есть шанс на них попасть. В противном случае ничего обещать не могу.

Да мне и это предложение прямо как манна небесная. Не всякий водитель, да еще и в прифронтовой зоне, согласится взять на борт такого вот пассажира. Высказываю эти сомнения ефрейтору. Тот только ухмыляется в ответ:

– Ну формально мы их тоже не обязаны сюда запускать для отдыха... Война, камрад, – штука сложная. Сегодня ты не поможешь своему соседу, а завтра он про тебя забудет.

В его словах есть известный резон. Поэтому я торопливо вскакиваю, натягиваю сапоги и набрасываю шинель. Все мои пожитки, упакованные в ранец, стоят рядом с кроватью. На ходу забрасываю ранец за плечо, вылетаю на улицу. Уже темно, и я не сразу различаю, что напротив дома стоят автомашины. Освещения у машин нет, и они совершенно сливаются с окружающими строениями. Запахи бензина, нагретого металла и масла захлестывают меня горячей волной. Все хорошо знакомо и привычно. Оглядываюсь по сторонам: в голове колонны должны стоять бронетранспортеры. Странно, что я не слышу рокота их дизелей. И, только сделав несколько шагов по направлению к ближайшему автомобилю, вдруг понимаю, что все это не здесь. Нет никаких бронетранспортеров, и нам не предстоит сегодня марш по горным дорогам. Все эти воспоминания касаются какого-то другого отрезка моей жизни. Того, который и для меня самого еще скрыт за завесой прошлого.

– Ты куда это собрался?

Поворачиваю голову вправо. В свете, падающем из открытой двери, могу рассмотреть звание вопрошающего.

– Помощник дежурного по станции сказал мне, что начальник автоколонны согласился подбросить меня до места назначения. Премного благодарен вам за это, герр фельдфебель!

– Ну, – польщенно хмыкает он, – полагаю, что герр обер-лейтенант о твоём существовании даже и не подозревает. Тебя согласился подбросить я. Спасибо, конечно, за то, что ты резко повысил меня в должности, но, увы, это не так.

– Так это вам я должен сказать спасибо, герр фельдфебель?

– Считай, что уже сказал. Вон тот грузовик видишь? – тычет он пальцем в сторону.

– Так точно, вижу.

– Садись к нему в кабину. Скажешь водителю, что я разрешил. Ну и не держи рот на замке. Старина Кранц сегодня едет без напарника, а в долгой дороге постоянно хочется спать. Так что уж будь любезен, постарайся своими разговорами не дать ему этого сделать.

– Разумеется, герр фельдфебель. Постараюсь со своей стороны не слишком ему надоесть. Фельдфебель хмыкает и, поднявшись по ступенькам, исчезает внутри здания.

Указанный мне грузовик на первый взгляд выглядел новеньким. «Опель-блиц», казалось, только вчера сошел с заводского конвейера. Подойдя к автомашине, вежливо стучусь в пассажирскую дверцу. Изнутри хриплым голосом осведомляются, кого принесли черти в такое время. Открываю дверцу и представляюсь:

– Макс Красовски! Прибыл сюда по приказанию герра фельдфебеля.

– И что же он такого тебе приказал? – ворчливо спрашивает водитель.

– Развлекать разговорами старину Кранца, дабы он не уснул в дороге.

– Слава Всевышнему, что только в дороге! Надеюсь, ты будешь столь любезен, что помолчишь хотя бы то недолгое время, пока колонна стоит здесь. А я за это время немного вздремну.

– Не смею вам мешать!

С этими словами забираюсь в кабину и пристраиваю ранец в ногах. Водитель тотчас же забывает о моем присутствии, откидывается вбок и, надвинув пилотку на глаза, засыпает. Пользуясь этим, внимательно осматриваю кабину. Грузовик действительно новый, я чувствую тот неповторимый запах, который всегда сопровождает новый автомобиль. Протянув руку, касаюсь рулевого колеса. Внутри меня появляется странное ощущение, что я когда-то уже сидел вот так и глядел на спящего водителя. Но ничего больше в памяти не возникает.

Наверное, я и сам успел задремать, потому что момент, когда Кранц завел двигатель, в моей памяти совершенно не отобразился. Помню только, как перед нами в размытых колеях прыгали в узких лучах фар какие-то кусты, деревья и прочая придорожная обстановка.

– Кто-то собирался меня развлекать?! – ехидно говорит мне водитель.

– Извини, старина, я и сам заснул.

– Из госпиталя?

– Совершенно верно.

– Давно?

– Сегодня утром сюда прибыл. Я не из самого госпиталя, после специальной клиники.

– И что ж там такого с тобой сделали? Пришили двадцать первый палец?

– После контузии я потерял память. Бомба рванула совсем рядом, и я почти ничего не помню.

– Имя-то свое помнишь?

– Честно говоря, я не уверен в том, что это мое имя. Да и фамилия...

– Бывает... – сочувственно говорит Кранц. – Ну хоть живой остался, и то уже хорошо. А сейчас куда? На фронт?

– А твоя машина едет в какую-то другую сторону? – удивляюсь я.

Водитель неожиданно смеется:

– Подловил-таки! Нет, парень, мы едем как раз туда, куда тебе и надо.

Слово за слово, и между нами завязался неторопливый разговор. Обычный, который всегда происходит между двумя случайными попутчиками: обо всем и одновременно ни о чем. За разговором я даже не заметил, как совершенно сгустилась тьма за окнами кабины. И, только глянув по сторонам, убедился в том, что по обочинам дороги возвышаются темные громады деревьев. Совершенно неожиданно дорога здесь оказалась во вполне удовлетворительном состоянии. Машины прибавили ходу и пошли резвее. Приободрился и водитель, на мои слова он теперь отвечал односложно, уделяя все свое внимание управлению автомобилем. Я не обижался: он делал свою работу.

– Хотя тут и неплохая дорога, особо расслабляться не следует, – словно отвечая на не высказанный мною вопрос, произнес он. – Пусть здесь и можно ехать относительно быстро, но в этом чертовом лесу иногда происходят всякие неприятные вещи.

– Какие же?

– Да всякие... Иной раз может упасть дерево прямо перед капотом твоей автомашины, а иногда из лесу прилетают и пули. Местная полиция не раз чистила эти чащобы, но так никого и не нашли.

– Местные... – понимающе киваю я. – Разве им можно верить? Я бы и свинарник не доверил им чистить.

Кранц кивает, соглашаясь со мной, и перехватывает баранку руками – мы входим в крутой поворот.

С хрустом разлетается лобовое стекло. По кабине словно хлещут плетью-многохвосткой. Кранца отбрасывает назад, и я вижу, как у него на груди топорщится простреленная шинель. Он что-то хрипит, и его сильные руки соскальзывают с баранки. Машину тут же мотает в сторону, и в узких лучиках прикрытых светомаскировкой фар встают перед капотом толстые стволы деревьев.

Рывком дергаю Кранца на себя, сваливаю его с сиденья и спихиваю вбок, туда, где только что были мои ноги. Перемахнув через неподвижное тело, плюхаюсь на водительское место. Еще не нащупав ногами педали, изо всех сил выворачиваю руль в сторону. Туда, куда уходят чуть заметные колеи дороги. А мне навстречу из леса опять бьют вспышки выстрелов, разбрасывая по сторонам острые лучики искр. Что-то со всей силы бьет по крыше кабины, я слышу звон и треск. Но в лучах фар уже мелькают колеи. Скорость машины все еще слишком велика, и она снова выкатывается с дороги, на этот раз в противоположную сторону. Но сейчас мне уже значительно легче: ноги достают до педалей. Выжать сцепление, передачу вниз, руль влево! А теперь – газу, газу! За моей спиной хрустит задний борт: стрелки ведут огонь по уходящему автомобилю. Отыскав на приборной панели выключатель, вырубая габаритное освещение – теперь машину хуже видно. В свете луны за окном тусклыми полосками виднеются колеи. И по ним я сейчас стараюсь вести автомобиль.

Позади меня что-то гулко ухает, и на дорогу перед капотом автомашины падает тень. Бензовоз! Это подорвали бензовоз! В боковом зеркале я вижу, как к небу рвется дымно-огненный шар.

А вот сейчас для меня это в плюс: стрелки на какое-то время ослеплены вспышкой взрыва, значит, стрелять будут уже не так точно. Как минимум несколько секунд теперь явно есть. И если мне хочется жить, надо использовать это время с максимальной пользой для себя. И потому я жму на газ, стремясь как можно быстрее уйти из зоны действительного огня. Теперь можно уже и фары врубить – машина клюнула носом, съезжая с пригорка. И стрелкам грузовик уже не виден. Сразу стало темнее: огонь от взорвавшейся бензоцистерны больше не освещал эту часть дороги. А раз так, пусть работают фары. Поворот возник совершенно неожиданно. Торможу, сбрасываю скорость и с хрустом переключаю передачу. Боднув капотом кусты, машина вписывается в поворот, и я вижу перед собой тусклые огоньки стоп-сигналов идущей впереди колонны.

Заглушив мотор, ставлю машину на стояночный тормоз и, приоткрыв дверь, выбираюсь наружу. Руки мои с непривычки гудят, а левая нога слегка подустала. Все-таки педаль сцепления на этой машине достаточно тугая. В голове колонны мелькают фонари, кто-то идет оттуда по направлению ко мне.

– Кранц, старина!

– Похоже, что он свое уже отъездил.

– Ты кто? – И на мое лицо падает луч фонаря. – Откуда ты взялся в его машине?

– Меня фельдфебель на станции сюда посадил. Сказал, Кранц едет один, дорога трудная, будешь его развлекать разговорами.

– Да уж, вы тут неплохо развлекались, – усмехается невидимый собеседник. – Посмотри на себя, солдат!

Опускаю глаза вниз и вижу, что полы моей шинели густо заляпаны бурыми пятнами. Водитель, это его кровь.

– Это не я, слава богу, они не попали по мне ни разу. Я Кранца в кабине отодвигал, когда ему прилетело. Вот тогда, наверное, и испачкался.

– Как он там?

– Несколько попаданий в грудь – боюсь, он умер сразу. Как меня не зацепило – ума не приложу. А что там дальше? За моей спиной взорвался бензовоз, и...

– Там оставалось еще две машины. Судя по тому, что никто из них до сих пор не дал о себе знать и не приехал сюда, они остались там навсегда. Тебе еще повезло, солдат, что ты вовремя сообразил пересесть за руль.

– Герр обер-лейтенант! – От головы колонны к нам не торопясь подходили несколько человек.

– Что там? – повернулся мой собеседник.

– Прибыла рота из полицейского батальона. Их командир просит вас к себе.

– Вот так всегда, – хмыкнул офицер, – когда эти бандиты лезут из лесу, их вечно не бывает поблизости. Зато потом... Скажи, я сейчас приду. А тебе, – поворачивается он ко мне, – сегодня несказанно повезло. Я бы на твоём месте отметил это дело хорошей выпивкой. Ты дважды счастливчик, солдат!

– Осмелюсь спросить почему, герр обер-лейтенант?

– Потому что вовремя сообразил сесть за руль – это первое.

– А второе, герр обер-лейтенант?

– Так у тебя полный кузов артиллерийских снарядов! И это вторая причина выпить! Как твоё имя, солдат?

– Макс Красовски, герр обер-лейтенант! После излечения направляюсь в маршевую роту.

– Я запомню тебя, солдат, и доложу о твоём поступке.

Получасом позже в машине уже был новый водитель. А подошедший вместе с ним фельд-фебель принес мне новую шинель взамен испорченной. Она, правда, была немножко великоватой, но выбирать не приходилось.

А Кранца положили в кузов. Ему было уже все равно.

До места назначения мы добрались только под утро. Здесь колонна сворачивала налево, а моя дорога шла дальше. По моей просьбе водитель притормозил около дорожного указателя, и я спрыгнул на землю.

– Удачи тебе, камрад! – машу рукой водителю. – Легкой дороги!

– И тебе того же! – кивает он в ответ. – Удачи!

Топая по узкой колее, раз за разом прокручивая перед глазами ночное происшествие. Странно. Я совсем не понимаю, почему действовал именно подобным образом. Ведь гораздо логичнее попросту выскочить из машины в лес и тихо уйти по кустам в сторону от места боя. Крайне маловероятно, что сидящие в засаде люди смогли бы меня в этом случае заметить. В глазах стрелков все еще плясали бы искры от собственных выстрелов, а в ушах раздавался их грохот. Так что ни увидеть меня, ни услышать, по крайней мере на более-менее значительном расстоянии, никто из них попросту не смог бы. А уж уйти тихо по лесу – это я могу достаточно хорошо. Что-то, а такие штучки делать мы вполне обучены. Стоп-стоп-стоп! А кто же меня всему этому обучал? Не помню. Но совершенно точно знаю, что могу ходить по лесу тихо! И этот маневр с грузовиком... Почему я выключил фары? Почему поступил вопреки всякой логике? Эти движения мне привычны и знакомы. Но ведь я никогда не водил грузовика! Или водил? Габариты машины я почувствовал. Пусть и не сразу, но почувствовал же! Всего разок кусты зацепил. Зато потом, даже и без фар, по колее машину вел. Нет, тут явно что-то нечисто. Какой такой дубинкой надо стукнуть себя по башке, чтобы там встали на место все шарики и ролики, именуемые столь возвышенным словом – «человеческая память»? Эх, сюда бы сейчас любезного доктора Крауци! Вот кто сумел бы разрешить все мои сомнения за пять минут! Но он теперь далеко... Где-то в генерал-губернаторстве. Поди сыщи. Ладно, будем разбираться сами.

Командир маршевой роты обер-лейтенант Хельмут Бользен оказался худым, как жердь, высоким человеком с неприятным выражением лица. Как только дежурный доложил о моем

прибытии, меня тот же час призвали предстать пред его начальственные очи. И первое, что я услышал, – неслабый нагоняй по поводу своего внешнего вида. Обер-лейтенанту не понравилась моя шинель. Вернее, то, как я в ней выглядел.

– Вы специально так оделись, солдат? – И голос у него был такой же неприятный, скрипучий, будто колодец с несмазанным воротом.

– Никак нет, герр обер-лейтенант! Просто эта шинель с чужого плеча, она мне велика.

– Вот как? А куда вы дели свою?

– Она была испачкана кровью и вообще сильно пострадала.

– Неудачно побрились?

– Никак нет, герр обер-лейтенант. Сегодня ночью колонна автомашин, в одной из которых я ехал, была обстреляна из лесу бандитами. Я заменил убитого водителя и сел за руль машины. А в тот момент, когда его перекладывал, шинель испачкалась кровью, текущей из ран. Вот и распорядился начальник колонны выдать мне другую шинель. Он пообещал подать рапорт о данном случае.

– Хм, так передо мной, оказывается, герой? – язвительно проговорил ротный.

– Никак нет, герр обер-лейтенант, я просто выполнял долг немецкого солдата.

– Долг? Ладно, и здесь у тебя будет возможность сделать то же самое. Я распоряжусь, чтобы тебе подыскали что-нибудь более подходящее по размеру. Свободен!

Нельзя сказать, что мое пребывание в этой части было развлечением. С самого раннего утра и до поздней ночи нас безжалостно гоняли по окрестностям. Мы рыли окопы, стреляли и бросали учебные гранаты. Во всем этом я находил для себя много знакомого. Несомненно, мне когда-то приходилось делать подобные вещи. Здесь фельджандарм, с которым я беседовал еще в госпитале, был совершенно прав. Но тем не менее я не раз ловил себя на мысли, что некоторые из тех вещей, которые нам преподавали сейчас, мне не только приходилось делать раньше, но делать это совсем по-другому. Но как и почему? Ответа не находилось. Иногда на меня что-то накатывает, и я рвусь в учебную атаку так же, как в настоящую боевую. И тогда взводный меня одергивает – не лезь вперед товарищей!

Впрочем, нам не оставляют достаточно времени для размышлений на какие-то отвлеченные темы. Только-только и успеваем, что поесть и передохнуть. На что-то большее его не хватает. Да и не с кем нам особо разговаривать. Дыхание фронта ощущается даже и здесь, в тылу. Только-только переговоришь утром с соседом по койке – а в обед он уже собирает свои вещи. За неделю личный состав роты обновился почти на треть. Наш взводный офицер – лейтенант Макс Краузен, старый вояка. Прошедший еще ту войну, он смотрит на жизнь со здоровым цинизмом и справедливо не ожидает от нее ничего хорошего. Поэтому он учит нас тому, что, по его мнению, и потребуется на фронте в первую очередь. Нет, строевая подготовка у нас есть – как же без этого? По-моему, армии без строевой не бывает вообще. Но не она у нас поставлена во главу угла: стрельба, переползания – вот этим приходится заниматься постоянно, невзирая ни на какие погодные условия и прочие несерьезные (с точки зрения взводного) вещи. А вот рукопашной драки нам отчего-то совсем не преподают. На мой осторожный вопрос Краузен делает удивленное лицо:

– Ты, наверное, действительно хорошо приложился головой, солдат! Хочешь сказать, что тебе уже когда-то приходилось сходиться с русскими врукопашную?

– Что-то такое помню, герр лейтенант.

– Надо же! – Краузен с интересом на меня смотрит, словно впервые увидел. – Немного я знал людей, которые вот так, запросто, могли бы это сказать!

Пожимаю плечами – с моей точки зрения, здесь нет ничего особенного.

– Ну... Кое-что я все-таки помню, герр лейтенант. Мы столкнулись с ними в каком-то селении... Там еще были каменные дома... И командир приказал их оттуда выбить. Мы открыли огонь, но они выставили перед собою женщин.

Стоявшие рядом солдаты поворачиваются к нам. Некоторые даже подходят поближе, чтобы лучше слышать мои слова.

– И что же было дальше, Макс? – интересуется взводный.

– Стрелять было нельзя...

– Почему? – удивляется кто-то из солдат. – Это же их женщины, какое нам дело, сколько их уцелеет?

– Фамилия?! – оборачивается к нему взводный.

– Карл Магерт, герр лейтенант!

– После занятий тебя будет ожидать штабс-фельдфебель Горн. С нетерпением ожидать, солдат! Полагаю, у него для таких нетерпеливых героев, как ты, всегда найдется какое-нибудь важное дело... А ты, Макс, продолжай...

– Слушаюсь, герр лейтенант! Мы сблизилась с домами, и эти бандиты уже не могли стрелять. Тогда они вышли на улицу и набросились на нас. Все завертелось вокруг, помню, что я ударил прикладом какого-то бородача с зеленой повязкой на лбу... Он упал, и его товарищ бросился на меня с большим ножом. Мне удалось его выбить, и мы покатались по земле. А дальше... Помню, что он меня душил, а я пытался вытащить из ножен штык.

– Ну раз мы сейчас разговариваем, то вытащить его ты успел... – усмехается лейтенант. – Поучительно! Лишний раз подтверждается, что холодная голова еще никому не помешала! Даже и в рукопашной!

А ночью я вижу странный сон.

Серое небо, низко нависшее над головами. Набранные медлительные тучи, влекомые слабым ветерком, словно бы цепляются своим брюхом за горные вершины. Их тут много, они торчат со всех сторон. Разбитая множеством проезжающих машин дорога упирается в заржавевшую трубу, играющую роль шлагбаума. А рядом с ним выложено укрытие из промокших мешков с песком. Верхние края укрытия оплыли и покосились, такое впечатление, что кто-то на них плясал. В некоторых местах мешки подперты серыми бетонными блоками, которые удерживают их от оползания. Такими же блоками обложена и темно-зеленая громада бронетранспортера – над ними торчит только башня с толстым пулеметным стволом.

Около шлагбаума прохаживается часовая. Из-под брошенной на плечи плащ-палатки торчит только обтянутая матерчатым чехлом каска. Чехол тоже промок, и по нему стекают струйки воды. До моего слуха доносится хлюпанье сапог по грязи – дорога тоже напоминает собою болото. Дождь... он, наверное, никогда здесь не заканчивается. Блестящий под его струйками пулеметный ствол угрюмо уставился на дорогу. Я стою у пулемета, опершись о промокшие мешки. Нам всем давно уже обрыдло это место. До чертиков надоел окружающий пейзаж. Мы все дружно ненавидим местных жителей: это по их вине наше отделение безвылазно торчит в этой дыре. А они... Они иногда проезжают мимо нас. Те взгляды, которые на нас бросают, не преисполнены братской любви. В них отчетливо читается: «Эх, повстречаю я тебя темной ночью... когда ты будешь один и без оружия...»

Но среди нас нет дураков – выходить за пределы поста по ночам. Тем более – безоружным. Никто не строит иллюзий на этот счет.

И мы мстим местным. Провожаем их машины пулеметным стволом, подолгу мурыжим их у шлагбаума и демонстративно пощелкиваем предохранителем оружия. Это сильно нервнрует аборигенов, и глаза, только что горевшие злобой, становятся испуганными и неуверенными.

Но рано или поздно наступает ночь. Нормальные люди ночью спят, даже на войне. Однако эта война – особенная. Здесь редко случаются открытые столкновения, чаще всего

пули прилетают откуда-то издали, из кустов и густого леса. Никто не знает, насколько эффективен наш ответный огонь. Бывает, мы выкашиваем из пулеметов целые просеки, срубая тонкие ветви кустов и подстригая густую траву. Но редко когда кто-то из нас ходит в лес, для того чтобы проверить результативность собственного огня. А вот стрелкам нет необходимости заглядывать к нам на пост: сарафанное радио работает исправно, оповещая их обо всех наших потерях и передвижениях.

Но иногда крышу сносит и у них. И остервенелые бородачи лезут на наши посты с ножами в руках. Зевнул часовой, замешкался с открытием огня пулеметчик – все, можно списывать отделение. Попасть к ним в плен... Лучше уж рвануть кольцо на последней гранате. На наше счастье, такое бывает нечасто, их тоже не слишком много, и восполнять свои потери бородачам не так легко. Однако в те моменты, когда к ним прибывает с инспекцией какое-то начальство, от налетчиков требуют предъявить товар лицом – напасть на пост, заложить мину, обстрелять патруль... И тогда вновь летят пули из леса и огрызаются в ответ наши пулеметы.

Так и сегодня. Мы точно знаем – они нападут. Уже скоро. Откуда? Ну... Сарафанное радио ведь работает в две стороны. Кое-что успеваем узнавать и мы. Правда, увы, не всегда вовремя...

Вот на дороге появляется машина. Когда-то новенькая, сейчас она больше похожа на творение безумного автомеханика. Кабина от другого грузовика, кузов и вовсе сколочен из некрашенных досок. А что? Ездит же... Мы знаем этого водителя, он живет неподалеку. Молчаливый и нелюдимый, он часто возит мимо нас какие-то грузы. Но сегодня его грузовик пуст. Это хорошо видно, когда машина накрывается набок, объезжая очередную лужу.

Тем не менее он едет не просто так. На длинном тротуаре за ним ползет еще одна машина. У той разбит мотор, нет капота и выбито лобовое стекло. На ремонт он ее тащит, надо полагать. Однако кузов у этой машины цел и даже свежеекрашен. Странно! Красить кузов машины с разбитым двигателем? Зачем? Не факт, что она вообще куда-то в будущем поедет. Хотя... кто их поймет, этих местных?

Поворачиваюсь влево – там, под навесом, сидит наш отделенный. Я совершенно точно знаю, что у меня с ним вполне дружеские отношения, но вот имени его, как ни стараюсь, вспомнить не могу.

– Смотри, – говорю я ему. – Он куда-то тащит эту развалину...

– И что? Пусть тащит, какое нам до этого дело?

Он прав, но какое-то нехорошее предчувствие не покидает меня.

А машины медленно подъезжают к посту. Часовой у шлагбаума выходит вперед и поднимает руку. Они останавливаются, и водитель передней автомашины послушно выходит на улицу.

– Не ты! – машет часовой. – Вон тот!

И он указывает на буксируемый автомобиль. Но уже спешит молодой парень, сидевший за рулем неисправного. Он что-то объясняет, вытаскивает из-за отворота куртки какие-то бумаги...

– Проезжай! – дает часовой отмашку.

Меня хлопают по плечу: пришла смена. Можно отойти от пулемета и попить горячего чая. Но отчего-то я не спешу согреться, иду к шлагбауму. Головная машина тем временем уже проезжает его, и, влекомый тросом, мимо меня проползает полуразвалившийся грузовик. Что-то позвякивает у него внизу. Он как раз проезжает мимо меня, и я внезапно вижу лицо его водителя. Он торжествует! На его лице написана какая-то отчаянная радость – парня буквально распирает! А с чего бы это ему вдруг торжествовать? Их радость – зачастую наше горе! На знаю, что толкает меня под руку, но в два прыжка я догоняю автомобиль и, распахнув дверь, рывком выдергиваю парня из кабины. От неожиданности он не успевает ничего сделать и куба-

рем катится по земле. Оставшаяся без управления машина виляет носом и правым колесом попадает в яму.

Ш-ш-шух!

С кнутобойным щелчком лопается трос. Передний грузовик, громко взыв мотором, неожиданно прибавляет ходу. Впрочем, ненадолго. Мотор затихает, хлопает дверца, и к застрявшей машине бежит водитель буксира. Он спешит, с его места хорошо видно лежащего на земле парня. Часовой предостерегающе ему кричит, поднимает оружие, собираясь дать очередь в воздух.

Гах!

Гах!

Сухо щелкают выстрелы.

В руке у водителя пистолет.

Часовой делает два неуверенных шага, роняет автомат и оседает на землю. А водитель, не снижая скорости, бежит вперед, на ходу что-то доставая из-за пазухи.

Ду-ду-ду-дут!

Гулко бьет пулемет бронетранспортера, и у водителя подламываются ноги. От его головы и плеч летят какие-то ошметки. Крупнокалиберный пулемет, да почти в упор... тут ловить нечего.

Визг!

Словно кнутом стегнули по ушам.

Парень вскакивает на ноги. В его руке зажат кинжал – неслабых таких размеров ножичек. И эту самую железяку он явно намерен воткнуть мне под ребро! Вот уж обрадовал...

Бронетранспортер не стреляет – на одной линии с парнем сейчас находятся наши ребята. А пулемету на посту мешаю стрелять я, точнее, моя спина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.